

КСЕНИЯ
КАРЕТНИКОВА

НЕ РОДНОЙ, НЕ ЧУЖОЙ

Ксения Каретникова

Не родной, не чужой

<https://litres.ru/74436682>

Аннотация

Я осталась совсем одна с младенцем на руках. Он – не мой, но далеко не чужой... С его появлением в моей жизни появился смысл, все начало налаживаться, пока однажды не раздался звонок в дверь. Тревожный, пугающий своей неизвестностью – точно такой же, как и незнакомец на пороге. После недолгого разговора с ним я с ужасом поняла, что мужчина собирается забрать у меня ребенка!

Содержание

Пролог	4
1	7
2	14
3	21
4	28
5	35
6	42
7	49
8	57
9	64
10	72
11	79
12	86
13	93
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Пролог

Два месяца назад...

*"Снег кружится, летает, летает
И поземкою клубя
Заметает зима, заметает,
Все, что было до тебя..."*

Я смотрела на него, так до конца и не веря в то, что вижу. Вот он лежит, такой очаровательный, такой маленький, такой беззащитный. Крохотные ручки тянутся ко мне, а глазки внимательно смотрят... Чудо. Мое. А я с таким презрением к себе вспоминаю, что было полтора месяца назад...

Первые несколько часов после его появления на свет я его тихо ненавидела. Потом начала жалеть, и малыша, и себя. А потом до меня дошло - он единственный близкий человек, который у меня теперь есть. Тоска и одиночество заставляли меня приходить к нему в больницу. Сначала я просто стояла у холодного стекла и смотрела на малютку в кювезе. Через пару дней я вошла в палату и просидела рядом, не отводя изучающего взгляда. А ещё через несколько дней врач разрешил мне к нему прикоснуться. Я водила пальчиком по его маленькому телу, чувствуя нежную кожу и тепло. Когда

я коснулась его ручки, ребенок схватил мой мизинец своими маленькими пальчиками и сжал. В ту секунду меня обдало жаром и я поняла, что нужна ему. А ещё и он мне нужен, даже, пожалуй, больше, чем я ему. Нет, я не заставила себя его полюбить. Я и сама не заметила, как это произошло. Любовь не с первого взгляда, зато на всю жизнь.

Я столько плакала за последнее время, страшно вспомнить. И сейчас готова, но уже от счастья. Даже усталость после бессонной ночи меня не беспокоила. Нет, мне достался на удивление спокойный ребенок, эту первую нашу ночь практически проспал, я сама виновата. Просыпалась ночью раз десять. Вскаживала со своей кровати и подходила к детской. Прислушивалась к тому, как он дышит... И так боялась не услышать дыхания. У него были проблемы с лёгкими. Врач сказал, что сейчас все в порядке. Но страх не отпускает.

А ещё я боялась, что он заплачет, что его будет что-то беспокоить, а я не услышу. Материнский инстинкт так и называется, потому что он - материнский. А я, хоть и старательно выполняю функции мамы, но, увы, я не та, которая дала ему жизнь. Да и я не претендую на это звание. Не буду врать ребенку, скажу правду. Что его мама его любит и не хотела его оставлять...

Вытерев щеку от одинокой слезы, я достала ребенка из колыбели и взяла на руки. Сев в кресло, я прижала малютку к себе, тотчас наполняясь теплом и отдавая свое. Поглаживая

его курносый носик, я пыталась унять накачивающую тревогу. Я, оказывается, столько всего боюсь. А ведь в свое время я много чего про детей прочитала: и книги, и статьи в журналах, и чаты на форумах. И врач мне все рассказал, все объяснил и даже дал номер своего телефона, чтобы я могла звонить по любым вопросам. Я ещё с усмешкой подумала: зачем, если я и так все знаю? Но стоило мне впервые взять ребенка на руки - все, паника! И все, что я когда-либо читала, напрочь улетучилось из памяти. Помню, как, забирая вчера малыша из больницы, я медленно шла до машины, крепко держа ребенка и безумно боясь его уронить. Ещё и первый снег выпал, покрыв ставшую невидимой корку льда. А я, дура, на каблуках! Но все прошло хорошо. Пока я не осталась с ним один на один в пустой и большой квартире.

Нет, я все подготовила к появлению малыша, даже небольшой ремонт успела сделать. Превратила одну из спален в детскую. Меня же проверяли, чтобы все было для ребенка: и условия, и обстановка, и мое здоровье, и финансовая стабильность. Так что пришлось взять себя в руки, оставить прошлое в прошлом и заняться своей жизнью, чтобы мне позволили забрать ребенка... И стоит сказать за это спасибо. Кроха, которого я держу сейчас на руках, стал смыслом, ради которого я готова на многое и должна жить дальше...

Снег кружился белоснежными хлопьями и невесомо ложился на землю, образуя пушистые сугробы. Я медленно шла по парку, проваливаясь в снег каблуками, ругая себя за это, но продолжала катить впереди себя коляску. Тяжело, неудобно. Но Артемке нужен свежий воздух, и каждый день в одно и то же время, невзирая на погоду, я выхожу с ним на прогулку.

Пока я шла, любуясь февралем, мне изредка встречались случайные прохожие, торопящиеся в это вечернее время домой через парк. В нем же самом никто не гулял: ни мамы с колясками, ни дети с совочками, ни даже собачники с питомцами на поводках. Сделав пару кругов по аллеям, я дошла до скамейки, что стояла почти в самом начале парка, и огляделась. Поблизости ни души, и тогда я поставила коляску у одного края скамейки, сама же аккуратно присела на другой и достала из сумки сигареты. Закурила, стараясь выпускать дым в противоположную сторону от коляски, при этом не отводя от нее взгляда. Да, я опять курю. Да, это вредно. Привычка вернулась ещё год назад, и она позволяла мне хоть немного расслабиться.

Артем по-прежнему оставался спокойным ребенком. Его капризы были редкими и, как правило, по делу. Ребенок не

болезненный, врачи уверяют, что он крепок и здоров, ничем особо не отличается по развитию от обычного ребенка. Но даже на здорового малыша уходит много денег. А я не собиралась экономить. Смеси, одежда, подгузники и прочие средства гигиены – у моего мальчика все должно быть только самое лучшее. Поэтому я решила расширять свой маленький бизнес, а Артемке наняла няню. Первую половину дня она проводила с ребенком, пока я работала. Зато вторую половину я целиком и полностью посвящала мальчику. И вечерние прогулки туда обязательно включались.

– Ай-яй-яй, курение в общественном месте, – услышала я вдруг и начала поднимать голову, чтобы посмотреть на неожиданного собеседника. И первым, что я увидела, была форма, полицейская.

– Здесь нет запрещающего знака, – выдала я, даже немного злобно. И только после этого подняла взгляд на лицо представителя правоохранительных органов. И оно не выглядело грозно, даже наоборот, на нем красовалась широкая и вполне добрая улыбка, которая начинала мне всё больше и больше казаться знакомой.

– Добрый вечер, гражданочка Черных, – продолжая улыбаться, произнес он и демонстративно приставил ко лбу ребро ладони, отдавая тем самым честь. – Неужели не узнала?

Мне потребовалось ещё несколько секунд, после которых я все-таки его узнала и радостно произнесла:

– Сашка?

Он довольно закивал, а я, швырнув сигарету в урну, заметенную доверху снегом, резко вскочила с места и бросилась на парня с объятиями.

– Какой стал, изменился, возмужал, – удерживая Сашку за плечи, я немного отстранилась и внимательно на него посмотрела: высокий, широкоплечий. Слегка пухлые губы, прямой нос, выразительные глаза и шрам на щеке, уже едва заметный, который и раньше парня ничуть не портил. Черты лица стали чуть грубее, но он по-прежнему оставался милым, каким я его и запомнила. Я задумалась на секунду, прикидывая, сколько сейчас Саше лет. Когда мы в последний раз виделись, три года назад, мне было двадцать шесть, он младше меня на пять лет, значит, сейчас ему где-то двадцать четыре года. Прекратив рассматривать юношу в форме, я покосилась на его погоны и подметила: – Капитан уже, надо же.

– Да, растем, развиваемся, – опять улыбнулся он, а затем произнес: – А ты совсем не изменилась. Все такая же красавица.

– Да ладно тебе, – отмахнулась я. Здесь из коляски послышался плач, и я сразу поспешила к Артемке. Начала покачивать коляску, склоняясь над ребенком. Он почти сразу успокоился.

– Тебя наконец можно поздравить? – поинтересовался Сашка, подходя к нам и кивая на коляску.

– Можно, но не совсем меня, – Саша удивлённо приподнял брови, а я, не собираясь скрывать от него правды, пояс-

нила: – Это Луизкин сын.

– Луизкин? – продолжил он удивляться. – А она сама где? Небось, скинула на тебя ребенка и убежала тусить?

– Луиза умерла, – тихо ответила я.

Повисла пауза. Недолгая, но такая томящая. Сашки не было на Луизкиных похоронах, я тогда вспомнила о нем, но не дозвонилась. А потом больше не звонила. И не вспоминала.

– Прости, я не знал, – я видела, что ему неловко и неудобно. – Как давно?

– Почти четыре месяца назад.

– А как это случилось?

– Во время родов.

Говорить это было больно. Словно я вновь переносилась в то жуткое время, из которого я помню только ноющую тоску и смятение. В один день потерять близкого человека и приобрести нового, которого невольно винишь в смерти первого...

– Сочувствую, – он говорил искренне, ведь и ему Луиза была не совсем чужой, – меня не было в городе полгода, уезжал по работе. Жаль, если бы знал, то приехал бы, – он наклонился и аккуратно заглянул в коляску:

– Мальчик?

– Да, Артемом назвала.

– А отец у ребенка кто? – выпрямляясь, Сашка уставился на меня в ожидании ответа.

– Я не знаю. Она не сказала, – на выдохе ответила я.

Сашка замер на несколько секунд, задумавшись. Мне почему-то показалось, что он высчитывает в голове месяцы. Но нет, если бы Сашка был отцом, Луизка мне бы сказала.

Артем опять подал голос, и я, схватившись за ручку коляски, сказала:

– Нам пора.

– Давай провожу, – предложил Сашка, – а ты мне все расскажешь.

И мы пошли по заснеженному парку в сторону моего дома. Я все говорила и говорила, рассказывая про Луизу и Артемку, не упуская ни единой подробности. И так легко мне становилось, так спокойно. Я была рада выговориться, поделиться всем. А Сашка оказался очень внимательным слушателем, не перебил меня ни разу и задавал уточняющие вопросы.

Вскоре мы дошли до моего дома. Саша первым остановился возле нужного подъезда и поднял голову, посмотрев прямо на мои окна.

– Ты до сих пор помнишь, где я живу? – с усмешкой удивилась я. Сашка опустил голову и тоже с усмешкой ответил:

– Ещё бы не помнить. Твой муж, помнится, меня с лестницы спустил...

– Ну, скажем так, это было неудивительно. Любой бы спустил.

– Мне тогда так не показалось, – засмеялся он. – Не разобравшись, не познакомившись, зимой, швырнув куртку и бо-

тинки мне вслед...

Я тоже засмеялась:

– Да, зрелище было ещё то.

– Да, и есть, что вспомнить, – кивнул Саша, а потом поинтересовался: – Кстати, как твой Валера к ребенку относится?

– А никак, – пожала я плечами. – Мы развелись чуть больше года назад.

– Вот как, – фыркнул Сашка. – Ты от него ушла?

– Нет, он, – я качнула головой и сделала шаг, поднявшись на ступеньку подъезда. Сашка тут же помог поднять коляску, а затем спросил:

– Можно узнать, почему?

– Зачем?

– Ну я бы такую шикарную женщину ни за что не бросил, – Сашка широко улыбнулся.

– Значит, не такая уж я и шикарная, – ответила я со вздохом. – Давай не будем об этом.

– Хорошо, – согласился он, – а расскажи, как ты одна справляешься?

– Нормально справляюсь. Артем сил придает. Ради него я и не то смогу, – я улыбнулась, – Ладно, мы пойдем. Кушать и купаться.

Я толкнула дверь подъезда, а Сашка тут же подсуетился и, придерживая дверь, пропустил нас внутрь.

– Вик, я могу тебе как-нибудь позвонить? – неожиданно спросил он, легонько взяв меня за локоть.

– Для чего? – я обернулась и встретила взглядом с глазами Сашки. А красивые они у него, серо-зеленые, открытые и глубокие. Я и раньше это замечала.

– Вдруг понадобится мужская сила? Переставить что-нибудь, полку прибить, починить...

– Я уже постоянный клиент сервиса "Муж на час". Боюсь, они без меня начнут скучать.

– А может, погулять сходим? – не унимался юноша в форме. – С Артемом или... вдвоем, в кафе, кино? Поверь, со мной безопасно, – гордо добавил он, выпячивая грудь.

– Верю, – кивнула я, ловя себя на мысли, что мне приятно. Меня давно никуда не приглашали. Но... Это же Сашка! – Но думаю, что не стоит.

Ныне капитан Александр Смирнов четыре года назад был обычным студентом школы полиции. Он целенаправленно пошел учиться именно туда сразу после армии, желая трудиться на благо граждан своей страны. И это были его слова, сказанные в момент нашего знакомства. Признаться честно, я была удивлена. Не ожидала, что взрослый юноша обратит внимание на мою сестру-подростка и заявится к нам знакомиться. Хотя она тогда и выглядела старше своих лет, но мне все это жутко не понравилось. Однако Саша подкупил своей искренностью, заявив, что ему нравится Луиза и он просит нашего согласия, чтобы с ней встречаться. Валера был категорично против, вследствие чего Саша и был спущен с лестницы. Но потом, рассудив, что если я запрещаю, то сестра все равно будет с ним встречаться, я согласилась. Пусть лучше я останусь доброй и понимающей старшей сестрой в глазах Луизы и буду в курсе всего происходящего, чем окажусь вредной истеричкой и не буду знать, где и с кем проводит время моя сестра.

Саша мне нравился. С каждым днём все больше и больше. Хороший, честный, отзывчивый и рассудительный. Сам из детдома, один как перст. Несмотря на это, он излучал добро, щедро им делился и жаждал получать его взамен. Не знаю,

к сожалению или к счастью, но через год они с Луизой расстались. И насколько я знаю, кроме поцелуев, ничего ближе между ними не произошло.

Зато потом сестра ударилась в загул. Приходила домой поздно и навеселе, не слушалась, отлынивала от домашних обязанностей и забросила учебу. У меня в тот момент начались свои личные проблемы, и, каюсь, я не уделяла сестре должного внимания. Я считала, что ее подростковые проблемки ничто по сравнению с моими. Надо же, а ведь я вела себя с ней точно так же, как моя мама со мной, когда я была в таком же возрасте. Мне нужно было мамино внимание, нужно было, чтобы она мне доверяла и поверила...

– Виктория Владимировна, – голос Эльвиры вернул меня из воспоминаний. Я подняла голову и посмотрела на свою сотрудницу, – к вам тут пришли.

По ее голосу мне показалось, что пришел кто-то очень и очень страшный. И я тут же, сохранив все исправленные накладные в ноутбуке, поспешила выйти в зал.

А увидев того, кто ко мне пришел, я поняла, что так напугало Эльвиру. Полицейская форма, в которой был Саша, стоявший сейчас у холодильника с цветами.

– Здравствуй, – произнесла я, подходя ближе.

– Привет, – отозвался он, снимая с себя шапку. Под ней были темные, коротко стриженные волосы. Помнится, когда-то Саша предпочитал носить волосы чуть длиннее.

– Откуда ты узнал, где я работаю?

– Ну, во-первых, не забывай, где работаю я, а во-вторых, твой магазин находится на моей территории, – с улыбкой ответил Саша, а потом окинул меня оценивающим взглядом, после чего подметил: – Шикарно выглядишь. Тебе всегда шли узкие юбки.

Комплимент мне понравился, но показывать этого я не собиралась.

– Ну, во-первых, это не магазин. Это салон, – поправила я с такой же интонацией, как говорил Сашка, – а во-вторых, чем ты так напугал мою сотрудницу?

– Ничем. Просто зашёл, спросил... – Сашка быстро огляделся и поинтересовался: – Может, у нее нет разрешения на работу?

– Все у нее есть.

– Я вам верю, гражданочка Черных, – с усмешкой ответил Сашка. – Ты заканчиваешь уже?

– А это откуда знаешь?

Саша смахнул со своих погон невидимую пыль и покосился на Эльвиру, которая, ойкнув, переключила свое внимание с нас на только что вошедших в салон клиентов.

– Ясно, – кивнула я. – У Эльвиры выпытал.

– Очень приятная девушка. Надеюсь, ты не обманула и все ее документы на самом деле в порядке.

– Могу показать.

– В другой раз, – тихо ответил Сашка. – Собирайся, я тебя

на улице подожду, – заявил он, надел шапку и, не дождавшись моего ответа, поспешил к выходу. А я, глубоко вздохнув, не без улыбки пошла за своими вещами обратно в кабинет. Ведь я действительно свою работу на сегодня закончила.

Кутаясь в рабочую куртку, Сашка стоял у салона и не сводил взгляда с входа. Я вышла, покачала головой, а потом аккуратно спустилась по ступенькам, на ходу надевая перчатки. Вчера шел снег, а сегодня сильно подморозило. Вот тебе и последний месяц зимы.

– Как на счет кофе? – спросил он, делая ко мне шаг и предлагая свой локоть. Поскользнувшись на ровном месте, я тут же невольно приняла его предложение, вцепившись, чтобы не упасть, в Сашкину руку.

– Не думаю. Мне домой надо, к Артемке.

– С ним же няня, – выдал Сашка.

Я фыркнула:

– Что ты ещё успел про меня узнать?

– Многое. А главное – ничего криминального, – ответил он с усмешкой. Схватил ладонь моей руки, которой я придерживалась за его локоть, и повел меня по улице. – Здесь недалеко есть кофейня. Там делают наивкуснейший капучино с корицей. Ты же любишь?

– А это ты откуда знаешь? – нахмурилась я.

– Я просто запомнил, – с улыбкой ответил Саша.

Надо же. А вот я сама про это уже и забыла, как раньше по субботам устраивала дома кофейную паузу. Готовила кофе,

и каждому – разный: Валера любил крепкий черный с каплей коньяка, Луиза с карамелью, я капучино с корицей. Воспоминания накрыли приятной волной, мне даже показалось, что я слышу запах каждого кофе... А ещё мне было приятно, что Саша это запомнил. Пару раз он присутствовал на наших семейных кофе-брейках. И просил сделать ему то же, что и себе.

Запах я уловила не случайно. Мы уже дошли до кофейни, откуда он и доносился. Саша потянул на себя дверь, зазвенел колокольчик, приглашая нас тем самым войти. Я не собиралась заходить, но Саша в буквальном смысле затащил меня внутрь.

В зале было многолюдно, но мы нашли свободный столик. Я нехотя присела, а Сашка поспешил сделать заказ. Вернулся быстро, я только и успела снять шубу и перчатки и окинуть взглядом помещение, подмечая, что здесь очень уютно. И так вкусно пахнет.

– Прошу, – сказал Саша и поставил передо мной чашку с капучино. Затем он снял с себя форменную куртку и устроился за столиком напротив меня.

– Ну и зачем ты меня сюда привел? – поинтересовалась я.

– Мне здесь нравится. Мы иногда заходим сюда с ребятами во время дежурства, – ответил он, пододвигая к себе вторую чашку, тоже с капучино. – Тебе не нравится?

– Милое местечко, – не стала я спорить, взяла чашку и поднесла ее к губам. – Но я ненадолго.

Сашка хотел было возразить, но вместо этого спросил:

– Няня у тебя по часам?

– Нет, она живёт у меня.

– А ты хорошо ее знаешь? – насторожился Саша. – Из агентства или по рекомендациям?

– Можно сказать по рекомендациям. Гульнара – родственница Эльвиры, ей нужна была работа с проживанием, а мне няня с медицинским образованием. Все удачно сошлось.

Сашка повертел в руках чашку, наблюдая за тем, как я пью кофе, а затем задал ещё один вопрос:

– Значит, ты все-таки можешь задержаться?

– Зачем?

– Мы могли бы посидеть здесь, а потом сходить ещё куда-нибудь. Например, в кино. Я утром рекламу видел, вышла новая русская комедия...

– Саш, – позвала я тихо, он слегка наклонился, уставившись мне в лицо. А я в очередной раз подметила, какие же у него красивые глаза. – Зачем тебе это? Пришел ко мне на работу, привел сюда, а потом ещё в кино зовёшь. К чему все это?

– А что такого? – вроде бы искренне удивился он. – Что странного в том, что старые знакомые ходят вместе в кино? В конце концов, после работы положено отдыхать.

– Конечно, ничего странного нет. Но я никуда не пойду, – качнула я головой, сделала большой глоток и продолжила: – Допьем кофе – и я домой. Надо с Артемом погулять.

– Как скажешь. Погуляем вместе, – не задумываясь, заявил Саша.

– Но...

– Никаких «но», Виктория Владимировна. Старые знакомые много чего ещё вместе делать могут, – с усмешкой возразил он. А возражать ему в ответ совершенно не хотелось.

Прошла неделя.

С Сашей мы виделись почти каждый день, исключая моменты, когда у него выпадали суточные дежурства. Он встречал меня с работы, мы шли в кафе, каждый раз в разное, а по вечерам гуляли по парку с Артемкой. Много разговаривали, узнавая друг о друге что-то новое, вспоминали прошлое.

Одно мне не нравилось – с каждым днём Сашка все настойчивей пытался то взять меня за руку, то приобнять, то поцеловать на прощание. Я старалась отстраниться, одергивала руку, плечи, подставляла для поцелуев щеку... Мне нравилось проводить с Сашей время, но переступать границы дружбы я не собиралась. И очень боялась, что этого захочет он, ведь, судя по его поведению, к тому все и шло.

Этим вечером Саша был задумчивым и даже немного угрюмым. Говорил мало, мялся, словно на что-то решался.

Проводив после прогулки нас с Артемкой до подъезда, он, видимо, решился и озвучил такой вопрос:

- Почему ты меня к себе близко не подпускаешь?
- Ты о чем? – сделала я вид, что не понимаю.

Саша шагнул, вторгаясь в мое личное пространство, после чего взял меня за руки.

– Вик, ты мне всегда нравилась... – заявил он тихо, установившись мне в глаза. А я выдернула свои ладони и, отводя

взгляд, сказала:

– Не начинай. Не надо.

– Послушай, пожалуйста.

– Не хочу! Для чего? – я засуетилась на месте, схватила коляску и попыталась ее поднять на крыльцо подъезда. Получилось это у меня не сразу, а от Сашиной помощи я отказалась. Но когда у меня все же получилось и я уже схватилась за ручку подъездной двери, он крикнул:

– Знаешь, почему мы расстались с Луизой? – я застыла на месте, ожидая, что он скажешь дальше. – Она приревновала меня к тебе...

– Глупости, – ответила я, оборачиваясь. Саша поднялся ко мне и продолжил:

– Когда она мне это сказала, мне тоже показалось глупостью, а потом я подумал и понял – я действительно что-то к тебе испытываю.

– Но... – я не знала, что ответить, и никак не могла поверить, пока не начала вспоминать взгляд сестры, которым она наблюдала за тем, как мы общались с Сашей. Да, я же замечала, но ведь не делала ничего такого, чтобы сестра насторожилась. Я со всеми приятелями и друзьями сестры общалась так, приветливо и добродушно. – Я была замужем и не давала тебе никаких поводов. Никогда!

– Да, это так, – не стал он спорить. – Наверное, и меня наличие твоего мужа останавливало. Но помешать появлению моих чувств это не могло. Это же не от нас зависит. А сейчас

я бы хотел...

– Все, что я могу тебе предложить – это дружба, – категорично заявила я, желая предотвратить попытки Саши на корню.

– Почему?

– Потому что! – выпалила я чисто женский ответ. – У меня... ребенок!

– И что? Это же даже замечательно, – улыбнулся он.

– Саш, и я... я старше тебя! Была тогда и сейчас.

Он отвернулся, а я, посмотрев на него, заметила, как на его лице нервно играют желваки.

– Каких-то пять лет, разве много? – повысил он слегка голос. – Я изменился, стал взрослей, прочно стою на ногах. После того как я тебя опять встретил, вдруг понял – единственное, что во мне не изменилось, это мои чувства к тебе. И с каждым днём они все сильнее становятся.

– Саш... – попыталась я его остановить, но он не дал, опять взял за руки и продолжил:

– Если я тебе не противен, а это так, если я тебе хоть немного нравлюсь, а это тоже так, то что плохого в том, что мы начнем общаться ближе?

– Я не готова к отношениям, – даже как-то резко произнесла я.

– А мы не будем никуда торопиться. Обещаю. Но я тебя прошу: не отталкивай, убери эту дистанцию...

– Саш... – я опять попыталась его остановить, и снова не

получилось. Саша, сильно удерживая мои руки, наклонился и потянулся своими губами к моим. Сперва я сопротивлялась такому прикосновению, но потом ощутила слабость, нет, я не сдалась, я просто позволила нам попробовать этот поцелуй.

Нежно, ласково, немного требовательно, но в этом весь Сашка. Его губы чувственные и мягкие. Саша прикрыл глаза, отпустил мои руки и обнял, прижимая к себе. А я полностью расслабилась, но при этом слушала себя, пытаюсь понять свои чувства.

На душе теплело. Настолько, что мои губы начали со страстью отвечать на поцелуй, с безумием наслаждаясь тем, что они делают...

Я правда больше не хотела отношений. Слишком тяжело мне дался развод. А ведь когда я выходила замуж, думала, что навсегда, что ничто и никто не сможет разрушить наши с Валерой чувства.

Парадокс, но именно отсутствие третьего человека в нашей жизни и повлияло на то, что семья разрушилась. И это я о ребенке.

Не получилось у Валеры завести со мной. Он прислушался к своей матери, которая без устали твердила, что я бракованная, и ушел из нашего с ним брака прямиком в новый, в котором ребёнок очень быстро появился.

Слово, брошенное свекровью, очень долго звенело в ушах. Настолько сильно и громко, что после развода я сама

поверила, что я такая – бракованная. Причем во всем. Мне перестало нравиться мое отражение в зеркале, казалось, за что я не возьмусь, все получается плохо. Вот она – сила внушения! Руки тянулись к сигаретам, которые я бросила курить по Валеркиной просьбе. К сигаретами добавилось вино, но с ним я попрощалась быстро. Не умела я опохмеляться, честно болела на следующий день. Но начала есть, много, вкусного и вредного. Мне было наплевать на себя, казалось, все, жизнь закончена. Одна, бездетная, никому не нужная...

Как ни странно, но мне тогда помогла Луиза. Поначалу это были ее взгляды, которыми она меня одаривала, возвращаясь с учебы. Столько в них презрения было, очень похожего на когда-то мое. В детстве, да и частью в юности, я ненавидела сестру. За то, что у нее есть оба родителя, за то, что у нее все новое, все лучшее...

А потом новость – Луизка беременна! Что-то перемкнуло у меня в голове, что-то щелкнуло, и мир вокруг резко изменился, наполнился неожиданными красками.

Если не можешь стать мамой, быть любящей тетей тоже же хорошо?

Вспомнив про Артемку, я подошла к кровати. Посмотрела на его безмятежный сон и задумалась. Мы иногда получаем, что хотим, но совсем не так, как ожидаем.

Я правда больше не хотела отношений.

Но все равно чего-то ждала...

Дикая мысль появилась: а почему бы не попробовать с Са-

шей? Что мне терять? Друга? А его, получается, и не было. Оказалось же, что Саша всегда относился ко мне иначе. А он... Он мне нравился.

На следующий день Сашка вновь пришел встречать меня с работы. На этот раз я не стала подставлять щеку, а позволила ему поцеловать меня нормально, в губы. Сказать, что Сашка был доволен – это ничего не сказать.

Прошла ещё неделя, потом другая. Такое романтическое и трепетное время. Когда встречалась с Сашкой, мне казалось, что я сбросила лет восемь, вновь почувствовала себя молодой и красивой. Разрешала ему держать меня за руку, не сопротивлялась его объятиям, поцелуям. Вела себя как глупый подросток! Но это так здорово!

Сегодня я пригласила Сашу домой, на ужин, который сама приготовила. Надела новое платье, сделала красивую прическу, макияж, маникюр. Боже, как же это все приятно, оказывается, я соскучилась по такой себе!

По Саше можно сверять часы – он всегда пунктуален. Во сколько обещал – ровно во столько и позвонил в дверь. В руках цветы, белые розы, и шампанское. Зря, цветов мне на работе хватает, а шампанское я тоже купила, и оно уже давно охлаждается.

– Ты безумно красива сегодня, – заметил он.

– Только сегодня? – фыркнула я.

Сашка снял верхнюю одежду, под ней – выглаженные тем-

ные брюки и светло-голубая рубашка. Тоже идеально выглаженная. Красивый, почти идеальный. Неужели и правда влюбленный в меня?

Пока мы сидели за столом, Саша не сводил с меня глаз. Рассматривал, так внимательно, с улыбкой и, господи боже, с восхищением. Мне нравилось ему нравиться. Мне нравилось чувствовать себя красивой и желанной.

Первый бокал шампанского – я расслабилась. Улыбалась, кокетничала, но при этом не забывая, что в соседней комнате спит Артемка. А Гуля ушла до завтра.

Второй бокал – начала чувствовать себя уверенней. Бросала томные взгляды, демонстративно облизывала губы, провоцируя мужчину на желание. Да, нарочно, да, я взрослая девочка и понимала, что делала.

Третий бокал – теперь я точно знала, чем закончится сегодняшний вечер. И я готова. Была ещё до шампанского.

Ужин мы доели, шампанское выпили. Между нами лишь приглушенный свет и терзающая слух тишина. Я смотрела на Сашу, он на меня. Его глаза блестели то ли от шампанского, то ли от ожидания. Будь оно неладным!

Гляделки наконец закончились, он поднялся, подошёл ко мне и присел рядом. Провел рукой по щеке, к губам, которые я приоткрыла, затем по шее, которую я вытянула. Потом ниже, по ключицам, в декольте. Я напряглась, представила на секунду, что будет дальше. И страшно немного стало. У меня давно не было мужчины. А последние разы с мужем так и вовсе происходили практически по принуждению. Без особого желания с обеих сторон.

Но сейчас мне хочется. Ласки, нежности. Черт с ним, с оргазмом, его получить не всегда удавалось. Удовольствие-то не только в нем. Главное – притяжение двух людей, трепет, желание взять и отдать... Скорее бы он начал, а то я растерялась, забыла, что и как делать.

– Ты уверена? – спросил он. Боже, какой глупый вопрос он задал, непонятно разве? Я не стала отвечать, лишь кивнула.

Саша придвинулся ещё ближе, обнял меня за талию, притягивая к себе. Начал целовать, наступая и отступая, позволяя и мне сделать наш поцелуй таким, каким мне хочется. А пока я всецело сосредоточилась на движениях губ, Сашка

нащупал молнию платья у меня на спине и начал тянуть замочек вниз. Так медленно, что захотелось его поторопить.

Ну же, ты же хотел, чтобы я тебя ближе подпустила, что же медлишь тогда сам?

Платье наконец полетело на пол. Сашка уложил меня на диван и начал расстёгивать свою рубашку. И опять медленно. Тогда я потянулась к нему, чтобы помочь. Саша усмехнулся, довольно так, победно. И вскоре его рубашка, не без моей помощи, полетела к платью.

Красивое у него тело, поджарое, рельефное. Мышцы на руках, кубики на животе. Грудь широкая, мощная. А соски на ней... торчащие, упругие, это часть тела у мужчин мне всегда безумно нравилась. В моей постели их было немного, на пальцах одной руки посчитать можно, а первого и вовсе к любовникам не причислять. Но никто же не запрещал любоваться голыми мужскими торсами на пляжах? У каждого есть свой фетиш... Валера, кстати, хорошей фигурой не обладал. Сколько его помню – небольшой животик у него был всегда. А сейчас там, наверное, пивное пузо. Бывшая свекровь хвасталась при нашей случайной встрече полгода назад, что новая жена его сыночка кулинар от бога.

Пока я зачем-то вспоминала бывшего, Саша успел снять с меня лифчик. Погладил мою грудь, а потом прильнул к ней губами, начал целовать, покусывая и посасывая. Я обняла его за голову, зарывшись пальчиками в короткие волосы. Приятно, что он делал, провоцировало, заводило. Че-

рез несколько секунд я почувствовала бедром, как в районе мужского паха кое-что заметно увеличилось. Мой будущий любовник готов, да и мужчинам немного же надо?

Сашка прекратил терзать ласками мою грудь, приподнялся и стал терзать мои губы. Глубокий поцелуй, ненасытный даже. А его рука неожиданно полезла в мои трусики. Пальцы коснулись клитора, а затем скользнули глубже. Да я мокрая! Как быстро.

Для Сашки, как я поняла, это было важным моментом, отправной точкой, после которой пора приступать к главному. Он отстранился от меня, выпрямился и начал суетливо расстёгивать штаны. Тут я не помогала, тут я наблюдала и терпеливо ждала.

Брюки упали на пол, звонко от пряжки металлического ремня. Сашка остался в одних узких боксерах, на мне все ещё были кружевные стринги. Я рассматривала мужское достоинство, спрятанное пока под тканью, играя с самой собой в игру: угадать какой он. Вот уж глупости какие вытворяло со мной подсознание...

Но доиграть Саша не позволил, наклонился, а потом резко взял меня на руки. Я прильнула к горячей груди, захихикала, как дурочка, и потянулась к мужским губам. Но поцелуй быстро прервался, Саша поставил меня на ноги, а потом принялся аккуратно спускать с меня трусики. Закончив с ними, он стянул свои боксеры, прижимаясь ко мне всем телом. Обнаженным, сильным... Саша резко и невесомо, как

пушинку, меня приподнял, заставляя обвить ногами его талию. Он сделал шаг к дивану, ловко уложил меня спиной, а уже через секунду я почувствовала горячее проникновение. С губ сорвался тихий стон. Через несколько мгновений захотелось стонать громче, но я сдерживала себя, помня, что в соседней комнате спит ребенок.

– Мне было хорошо, – томно улыбаясь, я наглаживала мужскую грудь. Тело было здесь, рядом с другим, доставившим мне в эту ночь столько умопомрачительного удовольствия, от которого душа словно витала в облаках.

– Мне тоже, – лениво ответил Саша. – А можно я кое в чем признаюсь?

– Надеюсь, не в извращении каком-нибудь?

– Отчасти, – хмыкнул он, опустил свою горячую ладонь мне на спину, погладил и произнес: – Знаешь, как давно я об этом мечтал? О сексе с тобой. Каюсь, я даже пару раз представлял тебя вместо тех, с кем спал...

Я приподнялась, заглядывая в его глаза:

– И много их было?

– Это так важно? – фыркнул он.

– Ну сколько?

– Ещё скажи, что у тебя пуританские взгляды и твой муж был единственным твоим любовником, – мне бы обидеться на эти слова, но Сашка говорил шутливо, играючи со мной. И я решила подыграть:

– Цифру, Смирнов. Назови цифру!

Сашка засмеялся и выдал:

– Мне так приятно, Викуськин, что ты меня ревнуешь...

А у меня, после того как он произнес такую уменьшитель-но-ласкательную версию моего имени, внутри все сжалось, отчего я нервно передернулась... Так ко мне обращался один человек, и я бы очень не хотела слышать это вновь.

Я отпрянула от Саши, поднимаясь с кровати. Сашка удивлённо на меня посмотрел и спросил:

– Что-то не так?

– Не называй меня так больше. Никогда, – тихо, почти приказным тоном попросила я. Саша собрался что-то спросить, но здесь послышался детский плач, который доносился из включенной все это время радио-няни. И я, не раздумывая, накинула халат и поспешила в соседнюю комнату.

Артёмка плакал, а я уже научилась различать его плач и сразу поняла, в чем дело. Быстро поменяла ему подгузник. Но малыш успокаиваться не спешил. Странно, температуры нет, его ничего не должно беспокоить. И тогда я взяла кроху на руки и, начав ходить с ним по комнате, запела колыбель-ную на украинском языке. Ее мне в детстве пела бабушка.

Пение помогло, Артем начал успокаиваться, вскоре его глазки закрылись и малыш засопел. Я аккуратно положила его в кроватку и, постояв возле нее несколько секунд, практически беззвучно покинула детскую.

В коридоре я чуть не врезалась в голую грудь Сашки.

– Ты красиво поешь, – подметил он.

– Я три года училась в музыкальной школе, учитель меня хвалил, говорил, что у меня практически идеальный слух, – сообщила я.

Мы вместе зашли в мою спальню. Закрывая за нами дверь, Сашка поинтересовался:

– Почему только три?

Я обвела взглядом темное помещение и, обняв себя за плечи, ответила:

– Потому что мы переехали в эту квартиру, а отсюда далеко и неудобно было добираться до музыкальной школы.

Сашка прошёлся по комнате, включил настольную лампу.

– Это же квартира твоего отчима? – спросил он вдруг.

– Да, его. Он так гордился этой, такой большой и серьезной первой покупкой в своей жизни, – я усмехнулась и за чем-то добавила: – А вот бабушка считала, что он купил квартиру на ворованные деньги.

Саша фыркнул:

– Ну, твой отчим славился в определенных кругах, так что я больше чем уверен, что твоя бабушка была права. Его же убили?

– Застрелили, – кивнула я.

– Бандитские разборки, – усмехнулся Саша, а я сделала шаг к окну и констатировала:

– Ты всё-таки очень много про меня знаешь.

– Нет, я много знаю про людей, которые тебя окружали. Про тебя я знаю ещё очень мало, – Сашка подошёл ко мне и

обнял сзади, прижимая к себе за живот. – Скажи, а Луизка действительно не сказала тебе, кто отец Артема?

– Нет, не сказала.

Как я ни допытывалась, кто отец, сестра не признавалась. Мой, говорит, и этим все сказано. Оставлять ребенка или нет – я позволила решать Луизе. Я не настаивала ни на чём. И сейчас уверена – сестра приняла правильное решение.

– Может, она тебе не доверяла? – предположил вдруг Саша, я резко обернулась:

– Почему ты так решил?

– Понимаешь, Луиза мне как-то сказала, что ты ее не любишь...

Это было обидно слышать. Очень. Я уставилась в Сашкино лицо, водя по нему сосредоточенным взглядом. Раздумывала я несколько секунд, прежде рассказать то, что мне вдруг захотелось ему рассказать.

Я отошла от Саши, села на кровать. Попыталась успокоиться, но все равно начала говорить с претензией и даже с возмущением:

– А она тебе говорила, что я в шестнадцать лет ушла из дома? Что я год прожила у бабушки, а потом, окончив школу, уехала в другой город учиться? – Саша качнул головой и в ожидании уставился на меня. Я вздохнула и продолжила, ведь мне так захотелось выговориться: – Вернулась через пять лет и как раз попала на бабушкины похороны. Потом узнала, что свою квартиру бабушка завещала мне. Я переехала туда, но прожила одна недолго. Всего через месяц отчима убили, он хоть и говорил маме, что несметно богат, но, по факту, ничего своей жене, кроме этих семидесяти пяти квадратных метров, не оставил. Чтобы помочь, я сдала бабушкину квартиру и переехала жить сюда, – я опять вздохнула, нервно погладила себя по плечу. – Примерно в это время я познакомилась с Валерой, влюбилась, вскоре мы начали жить вместе. Я не говорила ему никогда, что бабушкина квартира только моя, он считал, что общая... Через полгода мы с ним поженились, а на следующий день после нашей свадьбы вместо аэропорта, откуда мы должны были полететь в свадебное путешествие, я оказалась в морге. Мама, беспро-

светно пьющая с момента смерти отца, даже на свадьбу ко мне не пришла, допилась тем утром до чёртиков и сиганула в окно со словами: «Я за тобой, любимый». На глазах у Луизы. Ей было четырнадцать.

– Я не знал таких деталей, – виновато произнес Саша. – Жутко как.

Кивнув, я поспешила продолжить, договорить:

– Меня отговаривали, и муж, и его родственники, но я не смогла сдать сестру в детдом, взяла над ней опеку и, уговорив мужа, переехала в эту квартиру... Да, когда мы обе были детьми, я не питала к Луизе трепетных сестринских чувств... Но потом я заботилась о ней, пыталась узнать её заново... А теперь скажи мне: я разве не любила свою сестру?

Хотела я себя этим оправдать? Возможно... Возможно, я о чем-то жалею, но вот пакости сестре я никогда не делала. И зла не желала.

– Ты молодец, не бросила сестру и ребенка ее не оставила, – кивнул Саша, задумавшись. – Может, тогда она как раз и имела в виду детство?

– Да что она могла помнить...

– Многое. Порой детские воспоминания достаточно сильны, – Сашка улыбнулся, присел рядом и попытался обнять меня. Я отстранилась, со словами:

– А ещё порой подростки склонны преувеличивать. И воспринимать все не так, как есть на самом деле. С Луизой по-

началу было трудно, на контакт она шла неохотно. А мужа моего вообще ни во что не ставила. Я отнесла это всё к душевной травме, она такое видела, такое пережила... Вот и обороняется, выпуская колючки. Я старалась быть лояльной, но при этом справедливой и честной. И искренне считала – Луиза это видит. Во всяком случае через какое-то время мы начали общаться нормально.

– Вика, ты молодец. Прости, я уверен, что ты любила сестру, – он потянулся ко мне, легонько касаясь губами кончика моего носа. А затем опять попытался меня обнять. На этот раз я не стала сопротивляться, прильнула к Сашкиной груди, вдыхая терпкий мужской аромат. И в эту секунду я ощутила надёжность. Сейчас я понимала – мне намного легче. Стоило все это произнести, чтобы отпустить.

Когда уже светало и мы лежали в полудреме, прижимаясь друг к другу, Сашка неожиданно спросил:

– А почему ты ушла из дома в шестнадцать лет?

Вопрос слегка испугал, я нарочно опустила причину такого подросткового поступка, надеясь, что Саша не акцентирует на этом внимание, но нет.

– Я посчитала, что в новой маминой семье для меня не нашлось правильного места.

Да, я действительно так считала. Но это был лишь кусочек от большой правды, которую я никогда и никому не рассказывала. И, надеюсь, рассказать не придется.

Апрель наконец широко распахнул двери и привел в го-

род весну. Солнечные лучи стали теплее, послышался щебет птиц, почки начали набухать, а трава зеленеть. Лишь в парке, где мы по-прежнему гуляли с Артемом, местами лежал снег. Но и он скоро растает. А вот моё сердце уже полностью растаяло.

С Сашей было хорошо. Я совсем не чувствовала нашей разницы в возрасте, а временами мне казалось, что это он старше. Ответственный, волевой, серьезный, за ним как за каменной стеной, нерушимой и крепкой. Мне это было необходимо. Чувствовать себя слабой, когда это правда нужно женщине, это же естественно.

Ко мне Саша ещё не переехал, но очень часто, почти все вечера и ночи, и даже кусочек утра, мы проводили вместе. Секс был хорош, утренний кофе не хуже. А ещё хороши были длинные разговоры и постепенное осознание того, что мы очень похожи во многих моментах. Он рос без семьи, я, можно сказать, тоже. Он добивался всего сам, и мне пришлось.

И Артемке он нравился. Он так заливисто смеялся, когда Саша начинал с ним играть. Я любовалась своими мальчиками, заглушая ярко выраженные порывы радости. Я просто боялась все спугнуть. Ведь счастье любит тишину.

Да, моя личная жизнь наладилась, расцвела как первые весенние цветы. За одним смыслом появился второй. И на работе все шло в гору, мы собирались расширяться. Как штатно, так и квадратными метрами. Я уже подыскивала помещение недалеко от прежнего салона, там шел небольшой

ремонт. И новые сотрудники ждали часа, когда смогут приступить к обязанностям.

Гуля продолжала работать у нас няней. Но теперь оставалась ночевать все реже. Она тоже встретила мужчину. Весна же. Пора перемен.

Единственное, что было странным, так это то, что Саша так до сих пор меня ни с кем из своей жизни не познакомил. Он рассказывал о своих друзьях-коллегах, иногда смешные истории, иногда серьезные. Я словно знала их всех, но заочно. Как-то я заикнулась, предложила Саше куда-нибудь сходить с его друзьями. Нет, Сашка не отказал, но и согласия с точной датой встречи не озвучил. А я особо не настаивала, захочет – сам предложит, это же его друзья.

В моей жизни, как таковых, друзей не было. Детские остались в детстве, другие в том городе, в котором я училась. В браке с Валерой у нас были общие друзья, семейные пары, но они после нашего развода предпочли компанию бывшего. Я хорошо общалась с девочками на работе, но все же была начальником, а их, как правило, не многие любят слишком глубоко пускать в свою личную жизнь.

Так что Саша сейчас для меня был и любовником, и другом. Называть его пока любимым я не могла. Рано. Наши отношения начались и развивались стремительно, и я этого побаивалась. А ещё меня не покидало ощущение приближения чего-то... Нехорошего.

Сегодня Артемке исполнялось полгода. Я приготовила

праздничный ужин и уже накрыла на стол, как Сашку в срочном порядке вызвали на дежурство подменить заболевшего коллегу. Так что за накрытым столом для двоих я сидела одна, отпустив на сегодня даже Гулю.

Артем уснул. А я, налив бокал шампанского, посмотрела на фотографию Луизы, которую наконец-то довела до ума, подобрала ей достойную рамку. Сестра улыбалась, была на фото красивой и такой живой. Я мысленно чокнулась с Луизкой, говоря: «Спасибо».

И только я сделала маленький глоток и открыла ноутбук, чтобы провести вечер за просмотром сериала, как в дверь позвонили. Не знаю почему, но я сразу насторожилась. Что-то натянулось внутри звенящей струной, издающей тонкий и тревожный писк. Я никого не ждала, просто некого. Разве что соцслужба, но она была у нас недавно, да и по вечерам они не ходят.

Я подошла к двери с осторожностью и посмотрела в глазок. Увидела двоих мужчин. На одном темный костюм, поверх кожаная куртка. Другой мужчина одет в серое пальто, распахнутое, на шее клетчатое кашне. Лиц обоих не видно, они опущены, как нарочно.

– Кто там? – спросила я.

– Мне нужна Черных Виктория Владимировна, – раздался громкий мужской баритон за дверью. Голос приятный, даже поставленный. Что-то музыкальное в нем было. И голос принадлежал мужчине в пальто.

– Что вам нужно?

– Пообщаться. По поводу ребенка...

Я, наверное, выпала из реальности, иначе как оправдать то, что я открыла дверь ипустила в квартиру незнакомцев?

Мужчина в кожаной куртке, обладающий внушительной комплекцией, вошёл первым, без разрешения прошёл вперёд по коридору, начав заглядывать во все комнаты. Я опешила от такой наглости, но, сопровождая его широкую спину взглядом, промолчала. А вот второй мужчина, сунув руки в карманы джинсов, замер у входа. Я повернулась к нему, ловя на себе его изучающий взгляд. Под ним я вся скукожилась, по спине побежали мурашки, я вдруг почувствовала себя испуганным воробушком, на которого с высоты взирает хищный собрат.

От его одежды за версту пахло не только дорогим одеколоном, но и деньгами. Высокий, даже выше Сашки, а в нем сто восемьдесят семь сантиметров, широкоплечий. На вид мужчине было лет тридцать пять... Хотя... Возраст определялся с трудом. Коротко стриженные темные волосы, на лице ровная борода, аккуратная, выбритая местами явно профессиональным мастером. Глаза зелёные, хищные, с вкраплениями. Прямой нос, не слишком пухлые губы, на которых сейчас застыла ехидная улыбка. Интересно, за что я ее удостоилась? Я невольно поймала краем глаза наше отражение

в зеркале, что висело справа на стене: на мне домашний костюм – брючки и футболка, волосы собраны на скорую руку в высокий пучок, лицо немного бледное, а мужчина, что стоял напротив, загорелый не по сезону. Неказистой и невзрачной я смотрелась рядом с ним. И что самое интересное, я была уверена, что и он так подумал.

– Что... Происходит? – наконец промолвила я испуганно. В этот момент мужчина в кожанке вернулся и произнес:

– Все чисто, – и тогда второй заговорил:

– Меня зовут Спасский Даниил Алексеевич, – произнес он так, как будто его имя должно было мне что-то прояснить. Но, увидев, что должного эффекта произнесённое не произвело, мужчина добавил: – Я отец Егора.

– Какого Егора? – нахмурилась я.

Мужчины переглянулись.

– Вам сестра не рассказывала про Егора? – слегка удивлённо спросил мужчина, представившийся Даниилом. Я качнула головой. – Ясно. Где мы можем поговорить?

Признаюсь, мне стало любопытно, и потому я молча указала ему на гостиную, а он, на удивление разувшись, прошёл в комнату, дверь которой за нами закрыл второй не разувшийся наглец, оставшийся в коридоре.

Даниил зашёл, внимательно изучил взглядом помещение. Особенного долго его взгляд задержался на столе, точнее на открытой бутылке шампанского, рядом с которой стоял налитый бокал. Мужчина с усмешкой фыркнул, а потом шаг-

нул к дивану и присел. Верхнюю одежду снимать не стал.

Я устроилась на стуле рядом со столом. Как примерная школьница, сложила ручки на коленях, уставившись на странного незваного гостя. Он тоже смотрел на меня и начинать разговор совсем не спешил. Я не выдержала первой и спросила:

– Вы сказали, что хотите пообщаться по поводу ребенка?
– Даниил кивнул. – Про какого именно, моего или своего, которого зовут... хм... Егором?

– Насколько я знаю, у вас своих детей нет, – выдал мужчина. – Но вы являетесь опекуном того мальчика, чьим биологическим отцом может быть мой сын. Тот самый Егор.

Мои ладошки резко похолодели. Я испугалась, сама пока не понимая чего.

– А с чего вы решили, что ваш сын – отец Артема?

– Видите ли, несколько дней назад я случайно обнаружил на странице сына в социальной сети одну переписку. С вашей сестрой. Там она сообщила ему, что беременна...

– А ваш сын, небось, был этому очень рад, – с иронией перебила я.

– Не поверите, но именно так, – произнес Даниил. – Сын написал в ответ, что счастлив, что возьмёт вашу сестру за муж и увезет ее и ребенка подальше отсюда.

Он потёр щеку, жест его мне показался нервным. А до меня в этот момент дошло, что мужчина, сидевший сейчас передо мной, может оказаться... Дедушкой Артема? Что-то мо-

лод он, хотя... Меня мама родила в шестнадцать.

– Однако ваш сын ничего из обещанного не сделал, – усмехнулась я. – Повторюсь, сестра мне ничего ни про какого Егора не рассказывала. Вы вообще уверены, что он переписывался именно с моей сестрой?

– Данные с ее страницы, с которой велась переписка от ее имени, совпадают: зарегистрирована как Луиза Черных, фотографии, места учебы. А ещё айпи-адрес, – Даниил кивнул на мой ноутбук.

– Ничего не понимаю, – погладив себя по плечу, сказала я.

– Егор попросил вашу сестру никому, даже близким, ничего не рассказывать: ни от кого у нее ребенок, ни про их общие планы.

В голове не укладывалось – сестра послушалась этого Егора и промолчала. Она мне вообще ничего не рассказывала. Признаюсь, в какой-то момент грешным делом я даже подумала, что Луиза просто могла не знать или не помнить, от кого именно забеременела, ну мало ли, всякое бывает. Надеюсь, Луиза простит меня за такие мысли.

– Интересно, почему ваш сын ее об этом попросил? – мой вопрос прозвучал с ноткой издёвки. На что мне тоже с ней ответили:

– Полагаю, он боялся, что им могут помешать.

– И кто?

– Я, – даже с гордостью ответил Даниил. – У меня были на сына планы. И его ранний брак в них не входил. Так же,

как и ребенок.

– Что ж, полагаю, я могу вас поздравить? Ваши планы на сына реализовались?

– Нет, – отрезал он и отвернулся к окну.

– И где же тогда ваш сын был все эти полгода? – я немного повысила голос. – Почему не пришел сам? Сейчас, а лучше тогда, когда Артем родился?

– Егор погиб.

Слова прозвучали резко. А мне стало немного совестно.

– Сочувствую, – искренне произнесла я. Но на мое сочувствие мужчине было наплевать. На его лице не дрогнул ни один мускул. Он посмотрел мне прямо в глаза. На секунду мне показалось, что он смотрит на меня с ненавистью. А ещё с брезгливостью.

– Чего же вы хотите от меня? – поинтересовалась я.

– Я хочу помочь вам, – прозвучал неожиданный ответ, сказанный так, будто бы мне сейчас предложат нечто существенное и жизненно необходимое. Хм... Денег предложит? Будет платить за сына алименты? Нет. В материальной помощи я не нуждаюсь. Но я послушаю, надеюсь побыстрее закончить наш разговор и проводить этого Даниила до двери.

– И как же? – нахмурилась я.

– Избавить от тягот опекуинства, – я продолжала хмуриться, не понимая, а точнее не веря тому, что я слышу. – Я хочу забрать мальчика к себе и компенсировать вам все затраты за полгода, – четко, как диктор, произнес он. – Разумеется, в

том случае, если он действительно является сыном Егора. А это мы скоро узнаем, – мужчина покосился вдруг на дверь, а у меня мороз пошел по коже. Не знаю, что именно заставило меня это сделать, нехорошее предчувствие или хищный взгляд Даниила, но я вскочила с места и пулей вылетела из гостиной. В коридоре увидела мужчину, того самого, в кожаной куртке, он как раз выходил из детской, убирая что-то в нагрудный карман. Я буквально подлетела к нему и, стукнув кулаком в грудь, повышая голос, спросила:

– Что вы там делали?

Ответа не последовало. Лишь усмешка мелькнула на тонких губах. А из детской доносился Артемкин плач. Но меня не пускали, тогда я ударила мужчину ещё раз в грудь и еще, в меня словно бес вселился. Я била, а он продолжал стоять, не сдвинувшись с места. И, отдать ему должное, на мое рукоприкладство мужчина никак не отреагировал. Страшно представить, что бы со мной было, если бы эта каменная глыба мне ответила.

– Антон, пропусти, – раздалось у меня за спиной, и тот, которого Даниил называл Антоном, его послушал – отступил в сторону.

Я вбежала в детскую, подошла к плачущему Артёму и начала его ощупывать. Не обнаружив никаких увечий, я взяла ребенка на руки и начала укачивать, расхаживая по комнате.

– Все хорошо, все хорошо, – шептала я, пытаюсь успокоить этими словами и ребенка, и себя.

– Поверьте, ничего опасного для мальчика Антон не сделал, – услышала я сзади и обернулась. В проёме двери стоял Даниил. – Он просто взял у ребенка необходимый для анализа биоматериал.

– Убирайтесь, – процедила я и отвернулась, зачем-то зажмурившись. Через несколько секунд входная дверь громко захлопнулась, этот звук обнадежил, но не успокоил.

Держа ребенка на руках, я вышла в коридор. Заглянула в комнаты, на кухню, даже в ванную с туалетом. Никого не было. Тогда я заперла входную дверь на все имеющиеся замки и, прислонившись к ней спиной, дала волю слезам. Плакала, стараясь делать это тихо, и при этом молилась всем богам, прося их, даже умолая, чтобы у этого мужчины и моего мальчика не оказалось общих ДНК. Не нужен нам такой дедушка.

– Спасский Даниил Алексеевич, – чуть не по слогам произнесла я, после того как в подробностях рассказала про визит мужчин.

– Записал, – ответил мне Саша. – Сейчас попробую что-нибудь узнать.

– Спасибо, – на выдохе ответила я. – Ты во сколько будешь?

– Постараюсь пораньше. А ты ложись, отдохни.

– Хорошо, – ответила я и положила трубку.

Сказать-то было легко, но вот сделать... Артемку удалось успокоить и уложить. А я все не могла успокоиться и уложиться. Сон не шел, меня колотило, мне было страшно. Я выпила бокал шампанского, потом ещё один. Но игристое вино седативного эффекта не дало. Голова только разболелась. Тогда я закупорила бутылку, убрала ее в холодильник. Потом собрала со стола и перемыла всю посуду. Некоторую по второму разу. Мне надо было чем-то себя занять, чтобы не позволить панической атаке меня сломить.

Закончив на кухне, я окинула взглядом коридор. А потом схватила швабру и начала смывать невидимые следы, оставленные Антоном в коридоре. Может мне удастся их смыть так, чтобы его нога и нога Спасского больше не ступили в

мою квартиру?

Пол блестел и пах лавандой. Я вроде успокоилась немного, но спать все ещё не хотелось. А время шло к рассвету.

Я подошла к детской, тихо приоткрыла дверь и замерла, прислушиваясь к детскому дыханию. Ровно, спокойно. Артем, когда спит, просто ангелочек. Мой ангелочек. Неужели кто-то посмеет его у меня забрать?

Повернувшись в сторону входной двери, я заметила, что она из дверец стенного шкафа в коридоре закрыта не полностью. Меня потянуло к ней, я подошла и широко распахнула. На нижней полке стояла коробка, сбоку которой сделанная синим маркером надпись: Луиза. В эту коробку я собрала вещи сестры, после того как решила забрать Артёма и приступила к ремонту в ее комнате.

Достав коробку, я села на пол и начала извлекать из нее предметы: милые безделушки, украшения, памятные вещички... Я не решилась все это выбросить, но убрала с глаз долой. На дне лежало то, что я сейчас и искала – ноутбук. Его я подарила сестре на ее восемнадцатый день рождения. Помню, как Валера меня обругал за транжирство, ведь я подарила сестре самую последнюю и модную на тот момент модель.

Ноутбук выглядел как новенький. Луиза всегда трепетно относилась к вещам, которые любила. Я попыталась его включить, но признаков жизни гаджет не подавал. Тогда я нашла в коробке зарядное устройство и, поднявшись с пола, поспешила на кухню.

Поставила ноутбук на зарядку, подождала несколько минут и включила. На мое везение, учётная запись запаролена не была. А потом ещё ноут сам, автоматически, подключился к домашнему вай-фаю. Я тут же, открыв браузер, полезла в его историю. Последним, что посещала Луиза, была ее страничка в одной из социальных сетей. Надеюсь, в той самой. Я кликнула, заходя на сайт... И тут мое везение закончилось. Чтобы войти на Луизкину страничку, нужно было ввести логин и пароль. Я, естественно, ни того, ни другого не знала.

Громко захлопнув крышку ноутбука, я разочарованно вздохнула. Но потом опять подняла крышку и начала внимательно изучать рабочий стол. Иконок было немного. Мой взгляд зацепился за название папки "Личное", и я, не задумываясь, полезла в нее. Здесь были фотографии. Много. На некоторых Луиза одна, на некоторых в больших компаниях, а на паре фоток она стояла в полуобнимку с молодым человеком. Сходство бросалось в глаза, всё-таки генетика – великая наука. Общие черты лица и... Редкий цвет глаз. Парень на этих фото, скорее всего, и был тем самым Егором. Я продолжила листать фотографии, прикасаясь тем самым к незнакомой мне части жизни сестры. И даже не заметила, как пришло утро.

Когда я уже пролистала папку полностью, услышала, как входную дверь пытаются открыть. Липкий пот сполз по позвоночнику, я на цыпочках подошла к двери, выглянула в глазок. На пороге стояла Гуля, пытаясь справиться с замком.

И только тут я сообразила, что закрыла дверь так, что с той стороны ее открыть невозможно.

Я повернула верхний замок и распахнула дверь. На меня тут же уставилась пара удивлённых карих глаз.

– Доброе утро, вы уже проснулись? – поинтересовалась няня, заходя в квартиру.

– Я ещё не ложилась, – ответила я, зевнув. – Артем ещё спит. Как проснется, покормишь? А я попробую поспать. На работу сегодня не пойду.

– Конечно, – с улыбкой кивнула Гуля. Присмотрелась ко мне и поинтересовалась: – Все в порядке?

– Сама пока не знаю.

Присутствие Гули успокоило окончательно, и я, отправив Эльвире сообщение, что сегодня в салон не приду, залезла под одеяло. И, едва коснувшись щекой подушки, тут же уснула. Снилось мне Луизка, качающая головой. Я стояла напротив неё, держа Артемку на руках. А она словно не решалась подойти к нам ближе...

Разбудило меня прикосновение. Кто-то гладил мое плечо, легко, едва ощутимо. Я резко открыла глаза и увидела Сашу. Он склонился надо мной, улыбаясь.

– Ты такая красивая, когда спишь, – произнес он, и мне в лицо тут же ударил запах алкоголя. Приятность от его слов улетучилась мгновенно. – Покормишь меня? А я расскажу, что узнал.

Я кивнула, а Саша, выпрямившись, подошел к шкафу. На-

чал снимать форменную одежду, а затем достал полотенце. Он вышел из комнаты, а я поднялась и направилась на кухню. Разогрела вчерашнее горячее, в отдельную пиалку положила салат. Налила себе чая и, замерев у раковины, принялась ждать Сашу.

Из ванной он вышел быстро. Одетый в халат, а на плечах – полотенце, краем которого он интенсивно вытирал голову, отчего его короткие волосы встали дыбом. Сашка зашел на кухню, посмотрел на стол:

– Красота, – произнес он, но не присел, а открыл стоявший рядом холодильник. На дверце загремела початая бутылка шампанского, Сашка на нее посмотрел, потом на меня:

– Я налью бокальчик? Башка болит.

– Ты вчера пил? – поинтересовалась я, ставя на стол чистый стакан. Сашка тут же достал бутылку и, наливая белое игристое в стакан, ответил:

– Да, на работе у коллеги день рождения был. Мы в дежурке посидели, уже ночью.

– А начальство? Если бы увидело?

– Так начальство с нами пило, – с усмешкой ответил Саша.

Я покачала головой. Не выношу пьяных и похмельных мужиков. За Сашкой я замечаю подобное не в первый раз, но он обычно ведет себя адекватно, поэтому возмущалась я пока лишь мысленно.

Сашка устроился на стуле, сделал большой глоток шам-

панского и начал есть. Я терпеливо наблюдала за ним, ожидая услышать, что он узнал. Саша заметил мой взгляд и заговорил:

– Итак, Спасский Даниил Алексеевич. Тридцать восемь лет, – я нахмурилась, с возрастом почти угадала, хотя он выглядит моложе, – высшего образования нет, среднее какое-то там техническое. Ныне бизнесмен, довольно успешный, один из самых богатых людей города, между прочим. Основной, строительный бизнес вроде бы чистый, придрататься не к чему. Но старшие коллеги подсказали, что первоначальный капитал он заработал не совсем чисто и честно.

– Бандит? – пискнула я. Ну все, попала. Для таких нет ничего невозможного.

Сашка с усмешкой кивнул и продолжил:

– Теперь про личную жизнь. Вдовец, причем давно, о причинах смерти жены узнать не удалось. У него действительно был сын, Егор. Ровесник Луизы. И он действительно погиб. Больше пока узнать не удалось, но мне обещали помочь.

– Значит, он не соврал, – вздохнула я. – И что теперь делать?

– Ждать, – пожал плечами Сашка и сделал еще один глоток вина. – И надеяться, что он не окажется дедулей Артема. Я скривила лицо, задумалась.

– А если окажется, каковы его шансы?

– Честно? Шансы у него есть, Вик. Дедушки, бабушки, братья и сестры – им отдают большие предпочтения. Впол-

не может опротестовать твоё опекуновство на законных основаниях.

– Черт! – рывкнула я и закрыла дверь кухни. Достала из шкафчика сигареты, затем подошла к окну и, приоткрыв форточку, закурила.

Саша допил шампанское, тоже встал и подошёл. А я задумчиво уставилась на детскую площадку.

– Я очень боюсь, что он может выкрасть Артемку...

– Не думаю, что он прибегнет к таким методам. Зачем ему портить репутацию? Хотя... Кто знает... В общем, давай ждёмся результатов ДНК.

Я посмотрела на Сашу. Потом взгляд переместился на стол, на котором лежал заряженный ноутбук Луизы.

– Слушай, – обратилась я к Сашке, – я нашла ноутбук сестры, хотела прочитать её переписку с этим Егором. Но её страничка в соцсети запаролена. Может, можно как-нибудь её вскрыть?

– Можно. Есть у нас один спец, – Саша обнял меня за плечи. – Тебе срочно?

– Хотелось бы как можно раньше.

– Перешли мне смс адрес Луизкиной страницы, – я кивнула. – Я тогда пойду позвоню нашему спецу, а потом покемарю часок-другой. Ты со мной? – он игриво подмигнул, но я проигнорировала это, ответив:

– Нет, не хочется спать.

Нарочито печально вздохнув, Саша подошёл к двери, а я

уже села за стол, чтобы открыть чужой ноутбук, когда Сашка обернулся и произнес:

– Все будет хорошо, Вик. Поборемся, у меня есть хороший знакомый адвокат, если что.

– Спасибо.

Сашка ушел в комнату, а я открыла Луизкин ноутбук. Нашла ее страничку, переписала адрес и сбросила Саше. А затем вновь браузер, поисковик... Я сперва не знала, что именно хотела найти. Но едва я положила руки на клавиатуру, как пальцы сами набрали: Спасский Даниил Алексеевич.

Браузер тут же выдал мне кучу ссылок. Надо же, а этот Спасский на самом деле довольно известный человек. Теперь понятно, почему он так удивился, когда я должным образом не отреагировала на его имя.

Первые несколько ссылок мне никакой информации не дали – там речь шла о строительстве новых районов, поликлиник, школ. Благотворительностью Даниил тоже занимался. Собачкам приют построил. Знаком с губернатором, с мэром на короткой ноге... Да, не повезло, связи у нашего потенциального дедушки будь здоров.

Лишь ссылке на десятой я обнаружила то, что могло меня заинтересовать. Трагическая гибель Спасского Егора. Фотография младшего Спасского прилагалась крупным планом, я тут же узнала того парня, что обнимал сестру на фото из папки "личное". Симпатичный, не отнять. Пролистнув изображение парня, я начала читать небольшую, но емкую статью. Егор, оказывается, разбился. Ехал ночью на своей спортив-

ной тачке и, не справившись с управлением, влетел в ограждение. В крови запрещенных препаратов и алкоголя не обнаружено, машина была исправна. Причина, озвученная в СМИ: превышение скорости и скользкая дорога. Дочитав статью до конца, я посмотрела на дату. Егор погиб ровно через две недели после смерти Луизы.

Мог он не знать, что сестра родила? Есть такая вероятность. Роды начались стремительно, раньше срока. То ли сестра перенервничала, то ли ещё что. Позвонить и написать кому-то в такой момент она не могла, а затем операция, после которой Луиза в себя не пришла...

Больно вспоминать. До сих пор...

А помнится, первые два триместра Луиза была спокойной, улыбчивой, а вот потом сестра изменилась, стала хмурой... Могли они с этим Егором, например, поругаться?

На похоронах и поминках парня точно не было. Такие глаза я бы запомнила. Да и народу пришло немного...

– Виктория Владимировна, – Гуля заглянула на кухню, и я оторвала взгляд от монитора, – может, мы погулять сходим?

Я нахмурилась, не зная, что делать. Сашка сказал, что вряд ли Даниил начнет что-то предпринимать. Тем более пока – без результатов теста ДНК. Интересно, сколько он обычно делается? Не за несколько же часов, тем более гости у меня были вечером.

– Сходи, – кивнула я, – но только дальше двора не ходите, хорошо?

Гуля кивнула в ответ и ушла. Вскоре я вновь ее увидела, саму одетую и одетого, немного сонного Артема на ее руках. Я помогла вывезти коляску к лифту, закрыла за ними дверь, а потом прилипла к окну на кухне, высматривая, как Гуля будет выходить из подъезда. И она не заставила себя ждать, выкатила коляску, усадила в нее Артема и пошла по тротуару к детской площадке. Сделав круг, Гуля подошла к лавочке, на которой сидела девушка, рядом с ней стояла розовая коляска в рюшах. Девушки начали разговор, причем довольно оживлённо, улыбаясь друг другу, и я, посчитав, что они давно знакомы, с облегчением выдохнула, после чего вернулась к ноутбуку.

Через час, перечитав почти все, что нашла, я знала об общественной жизни Даниила Спасского, наверное, больше его самого. Но эта информация была незначительной. Про личную жизнь мужчины я ничего не узнала. На фотографиях, сделанных на различных мероприятиях, Даниил всегда был с девушками. Да, именно с девушками, каждый раз с разными. Бабник? А что, похож!

В коридоре слышались шаги, а потом на кухню, зевая, зашёл слегка помятый Сашка.

– Вот, это логин и пароль, – сказал он, положив передо мной на стол свой телефон с открытым сообщением от некого Кости.

– Так быстро? – удивилась я.

– Там не мудрено все было, логин – почта, пароль – дата

рождения. Большинство людей так же особо не заморачиваются.

– Спасибо, – кивнула я и открыла новую страницу браузера. Ввела в поиск название социальной сети и уже меньше чем через минуту вводила данные, чтобы зайти на страницу сестры.

Логин и пароль подошли. Сашка забрал телефон и удалился, видимо, досыпать.

Передо мной чужая страничка с личными данными, которые многие берегут и прячут: фотографии, музыкальные треки, сообщества, закладки. Если просмотреть все это, можно много узнать о человеке. Например, чем он интересуется, что любит, а что ненавидит. И с кем дружит.

Первым, что бросилось в глаза, была закрытая, идеально чистая стена странички. Луиза ограничила доступ, давно не делилась никакой информацией.

Затем я увидела несколько непрочитанных сообщений, в которых одноклассники и однокашники выказывали свою скорбь, жалели, что Луиза так рано ушла, слали картинки со свечками или мягкими игрушками. Это выглядело немного странно – они писали все это тому, кто этого уже никогда не увидит. Я не стала открывать их все. Потому что мне становилось грустно и больно. Я начала листать список бесед, пока не нашла нужную: Спасский Егор.

Его два последних сообщения тоже светились как непрочитанные:

"Ты почему не отвечаешь? Что с телефоном? Я вернулся".
"Еду к тебе".

Я перевела взгляд на дату, и тут мне стало нехорошо. Эти послания были отправлены в тот день, когда Егор разбился... Неужели он так торопился к Луизе? Или, уже собираясь к ней приехать, узнал от кого-то из общих знакомых, что случилось с сестрой? И то, и другое пугало. Вот как бывает.

Немного успокоившись, я чуть пролистала переписку вверх.

"Отец велит ехать. Он уже билеты купил и сказал, что сам отвезёт меня в аэропорт. Лу, всего лишь месяц, и я вернусь", – писал Егор ровно за месяц до последних сообщений.

"Скатертью дорога. Трус", – так ответила ему сестра.

Значит, я была права, подумав, что они поругались. И чтобы узнать причину, я продолжила читать чужую беседу.

До отъезда Егора, как выяснилось, в Финляндию, где у парня были какие-то родственники со стороны матери, ребята переписывались почти каждый день. В основном эта была милая и трогательная переписка влюбленных. Егор писал, что безумно любит Луизу и их малыша, что он сделает все, чтобы они были вместе, что надо подождать, что Луиза должна это понимать... Увы, они сейчас действительно вместе. Но не так как им бы этого хотелось... Луиза тоже отвечала Егору няшностями, что "любит до неба и обратно", рассказывала, как сходила к врачу, что с ребеночком все хорошо, сказала, как попросила на приеме УЗИ не называть пол

ребенка. Это было правдой, просила, я сопровождала сестру почти на все визиты в перинатальный центр.

Я все читала и читала, пытаюсь найти причину, по которой ребята скрывали свои отношения. Этой темы в переписке они не касались, но я нашла сообщение от Егора, которое, как мне показалось, могло быть с этим связано:

"Ты же знаешь, он просто так не смирится, в этом нет твоей вины, просто для него это будет предательством, не хочу, чтобы он нам навредил".

Прочитав, я сразу подумала про Спасского-старшего. Он же сам мне признался, что сын боялся, что он им помешает. Но должна же быть и для этого причина? Он хотел женить сына на более выгодной партии, ну, уж простите, в каком веке мы живём? Да и Егор упомянул предательство, что он имел в виду, что собирается послушаться отца?

"Я не могу понять, почему я ему не понравилась", – вдруг выцепил мой взгляд сообщение сестры... Что же это получается? Егор знакомил Луизу с отцом?

– Я до магазина схожу! – услышала я из прихожей голос Сашки. – Тебе что-нибудь надо?

– Нет, – ответила я, не отводя взгляда от монитора. Входная дверь хлопнула, а я наконец дошла до того момента, когда Луиза призналась Егору.

Луиза: "Я сделала тест".

Егор: "И?"

Луиза: "Он положительный)))"

Егор: "Я стану папой)) А ты будешь самой лучшей мамой на свете".

Луиза: "Люблю тебя".

Егор: "Нет, это я тебя люблю, а ты и дальше позволяй мне это делать".

Это было трогательно, клянусь, я чуть не расплакалась. Притворяться так нельзя, и эта их переписка как безапелляционное доказательство того, что они оба являются родителями Артема. Мои руки затряслись, и я запрокинула голову, чтобы не позволить слезам выйти наружу. А опустив лицо, обратила вдруг внимание на то, что под именем Егора светится значок: online... Руки уже ходили ходуном, а сердце чуть не выпрыгнуло из груди, когда я, опустив переписку до конца, увидела в самом низу: Егор печатает...

"Привет, Вика", – пришло сообщение. Мне стало дурно, если бы я сейчас не сидела, то точно бы упала – мир вокруг слегка покачнулся... И только через несколько секунд, во время которых я интенсивно дышала, до меня пусть и медленно, но дошло, у кого ещё был доступ к этой странице...

Пока я постукивала пальцами по краю ноутбука, думая, что ответить и стоит ли вообще отвечать, у меня зазвонил телефон. Громкий сигнал заставил меня дернуться, сердце опять подпрыгнуло – я просто не ожидала, вот и испугалась.

Номер телефона высветился цифрами – абонент не был занесён в записную книжку. Но звонить мне мог кто-то из потенциальных клиентов, так что я практически без раздумий сняла трубку:

– Алло.

– Ну и что ты там хотела найти?

Сперва я растерялась, словно меня поймали с поличным. Но ведь и Даниил, а это именно он мне сейчас и позвонил, тоже рылся не так давно в чужой переписке. Так что ответить я решила честно:

– Я хотела знать, говорили ли вы правду, рассказав о планах Луизы и Егора.

– Ну хорошо, что хоть не врешь, – хмыкнул Даниил. – И как, узнала, что хотела?

– Не совсем.

Он хмыкнул ещё раз, а потом заговорил:

– Завтра, в шесть часов вечера я получу результаты ДНК, через полчаса буду в клубе "Семь пятниц" либо отмечать,

либо горевать. Думаю, что ты бы хотела ко мне присоединиться и в том, и в другом случае.

Я опешила. Зависла, как программа на старом телефоне. Но сбой был недолгим, и я спросила:

– А почему вам просто не позвонить мне и не сообщить результаты? Мой телефон, как я вижу, у вас есть...

– Нет, это будет не интересно, – перебил он меня язвительно, – ты можешь, если хочешь, кому угодно сказать, на встречу с кем и куда идешь, но прийти должна одна. На входе назовешь мое имя – тебя проводят. До встречи.

– Но... – начала я, однако трубку на том конце уже повесили.

Моему возмущению не было предела. Мне не нравился этот мужчина. Не нравилось, как он со мной общался – так легко и просто начал мне тыкать, а ведь вчера изображал более-менее интеллигентного человека хотя бы в общении. Что ж, получается, играл, притворялся? Чтобы ввести меня в заблуждение и добыть у ребенка анализ?

Здесь я услышала шум у входной двери и вышла в прихожую как раз в тот момент, когда в квартире появился Сашка. Одной рукой он держал Артема, в другой руке висел довольно объемный пакет.

– Встретил Гулю у подъезда, ей надо было бежать, – сказал Саша, отдавая мне ребенка. Он тут же оказался в моих объятиях, довольно угукнул, и я понесла Артема переодеваться.

Вернувшись на кухню с Артемом на руках, я застала мало-

приятную картину: Сашка хлестал пиво из горлышка и хрустел луковыми чипсами, уставившись в монитор телевизора. По нему шел футбольный матч.

– Голова не прошла? – фыркнула я.

– Не совсем. Видимо, именинник вчера соврал, сказав, что коньяк французский, – ответил Саша. – Да и под футбол пиво – святое дело. Ты будешь?

– Я не люблю пиво, – ответила я и ушла с кухни в детскую, где мы с Артемкой, развалившись на полу, застеленным пушистым ковром, принялись играть.

Поползали за игрушкой, попереключивали мячик, затем сыграли в пальчиковую игру. Я брала ладошку Артемки и начинала водить по ней указательным пальцем круговыми движениями, приговаривая известную потешку: сорока-белобока кашку варила, деток кормила, на словах "этому дала", я начинала загибать пальчики ребенка по одному, начиная с мизинца и массируя их. Артёму нравилось. Да и я, общаясь с ребенком через игры, отвлекалась от неприятных мыслей. И касались они не только Спасского. Саша тоже начинал меня беспокоить. Вроде бы все хорошо, но чувство тревоги не отпускало.

Рассказать Сашке о том, что мне позвонил Даниил и пригласил завтра встретиться, я решила во время ежевечерней прогулки по парку. Они оставались нашей приятной традицией.

– Я пойду с тобой, – тут же вызвался он, едва я рассказала

ему про звонок Спасского.

– Нет, – покачала я головой, – Спасский просил прийти одной.

– Одну я тебя не пущу.

Я резко остановилась и, повернувшись к Саше, посмотрела ему в глаза:

– Я большая девочка, – эти слова прозвучали наивно, я вздохнула и произнесла другой аргумент: – Он пригласил меня в клуб, там будет полно народу.

– В какой клуб?

– «Семь пятниц».

Сашка усмехнулся:

– А ты знаешь, что этот клуб принадлежит ему?

– Ты же говорил, что он строительным бизнесом занимается...

– Строительный бизнес – это основной его доход. У Спасского много чего в городе есть: и клуб, и ресторан, и даже контактный зоопарк.

Нахмурившись, я отвернулась и ответила:

– И все же я пойду одна.

Саша недовольно покачал головой, но больше спорить не стал.

Утром мы разошлись каждый на свою работу. Сашка сегодня трудился до шести, я в последнее время работала когда как, иногда забегая в другое помещение, в которое собирался переехать мой салон.

Эльвира составляла композицию из цветов, ещё одна сотрудница перебирала свежие цветы, а третья упаковывал букет, который уже ожидал курьер. Мне нравилось, что работа в салоне кипела. Это, по сути, было моим детищем. Любимым и довольно прибыльным.

Салон я открыла на деньги, которые мне отдал Валера при разводе. Ох, с каким недовольным видом он вручил карту с положенными мне деньгами. Сам виноват, это он настаивал на заключении брачного договора, и деньги я получила по закону. Пусть скажет спасибо, что я отказалась делить совместно нажитое, иначе бы к его ранним сединам добавился ещё и сердечный приступ. Мне не надо было ничего его, но уходить просто так гордость не позволила.

Последние три года нашего брака официально я нигде не работала, иногда подрабатывала "на тетю", занимаясь составлением свадебных букетов. Флористика всегда была моей страстью, и я безумно рада, что вложила деньги правильно.

Поковырявшись немного в отчетах и накладных и уверившись, что все в порядке, я поспешила домой часа в четыре.

Гуля занималась ребенком, а я, предупредив няню о том, что на вечер у меня планы и ей придется задержаться, поспешила в комнату. Распахнула двери шкафа и начала выбирать взглядом наряды.

Мне хотелось выглядеть сегодня шикарно. Воспоминание

о том, как я выглядела при первой нашей встрече со Спасским угнетали. Я могу и умею быть красивой. Нет, не для того, чтобы произвести впечатление. А чтобы просто гордиться собой и не чувствовать себя рядом с Даниилом никчёмной.

Выбор я остановила на изумрудном платье с декольте. Глубоким, но в меру, обтягивающим, но где надо. К нему выбрала высокие коричневые сапоги и кожаную куртку в том. В уши – серьги с дымчатым кварцем, на пальцы – пару колец. Волосы оставила распущенными, уложив их лёгкими волнами. Макияж не яркий, но заметный, акцент на глаза, губы подчеркнула бежевым блеском. Мое отражение в зеркале мне определенно нравилось.

Адрес клуба я узнала в интернете. "Семь пятниц" находились в центре, добираться до которого мне совсем недалеко. Я заказала такси за сорок минут до встречи, машина приехала вовремя. И вскоре я уже выходила из нее у широкой металлической двери клуба.

На входе меня встретили секьюрити, два амбала, отличить которых друг от друга было трудно: высокие, мускулистые, бритоголовые, с практически отсутствующим взглядом и суровым выражением лица.

– Я к Спасскому, – произнесла я. Мужчины одновременно окинули меня сканирующими взглядами и переглянулись:

– Ваше имя? – спросил один.

– Виктория Черных...

Амбал сдвинул свои густые брови, а потом полез в карман. Достал из него телефон и с удивлением несколько секунд переводил взгляд с экрана на меня, с меня на экран. Я сделала шаг, кокетливый и неловкий, нарочно, и смогла заглянуть в гаджет секьюрити, где крупным планом красовалась моя фотография. Причем с паспорта, как и для большинства людей, она была мной ой как нелюбима.

Наконец, наверное, всё же обнаружив сходство с фотографией, амбал произнес:

– Проходите, – и открыл передо мной двери клуба. Я вошла, оглядываясь по сторонам.

Жутко безвкусное место, с долбящей музыкой и мигающим светом. Однако народу было много. В основном за столиками, расставленными вдоль стен и у длинной барной стойки. Танцующие тоже были, ближе к сцене, на которой, поддергиваясь, трудился ди-джей.

Я замерла на месте, вглядываясь в лица людей за столиками, и вдруг почувствовала слабый толчок в спину, обернулась, за мной стоял тот самый амбал с моим паспортным фото в своём телефоне. Взяв под локоток, он повел меня через толпу к широкой лестнице, на первых ступеньках которой стоял ещё один амбал... Интересно, где таких одинаковых разводят? Клонировуют?

Мой провожатый что-то шепнул второму, тот кивнул и пропустил нас. Я начала подъем вслед за амбалом, плясь в его широкую спину. А когда спина неожиданно исчезла, ее

владелец шагнул немного в сторону, передо мной оказалась дверь. Она открылась, словно сама по себе, и я увидела Даниила Спасского, восседавшего на подушках дивана, перед которым стоял накрытый стол.

Спасский одарил меня взглядом. Сначала немного удивлённым, потом явно оценивающим. Он даже голову набок наклонил, чтобы увидеть меня в полный рост. А когда я приблизилась к нему, взгляд зелёных глаз стал уже напыщенно-равнодушным. Но я была вполне довольна произведенным эффектом.

— Привет, — бросил он и кивком указал мне на смежный диван, предлагая тем самым присесть. Что я и сделала — устроилась с удобством, проверяя пятой точкой мягкость подушек, немного поелозив, и сняла куртку. Не зная, куда ее пристроить, я просто бросила верхнюю одежду по соседству.

Спасский бегло взглянул на мои открытые плечи, потом махнул взглядом грудь. Едва заметно усмехнувшись, он подметил:

— Сегодня ты выглядишь лучше.

Я не стала причислять его слова к комплименту. Сомнительно и язвительно. И вместо слов благодарности заявила:

— Ужасное место.

Даниил громко фыркнул, посмотрел направо, где было длинное витражное окно, открывавшее вид на первый этаж, сузил глаза, словно к чему-то присматриваясь и, на удивле-

ние, промолчал. Мне даже на секунду показалось, что он со мной согласен.

Вернувшись взглядом ко мне, Спасский широко улыбнулся, а затем потянулся за двумя налитыми пузатыми бокалами и, протягивая мне один, сказал:

— Ну что, Виктория Владимировна, поздравляю тебя.

— С чем? — нахмурилась я, машинально принимая бокал.

— С тем, чем и ты можешь меня поздравить, — он хмыкнул и, глотнув напитка, достал из нагрудного кармана своей белоснежной рубашки лист бумаги, который тут же передал мне.

Я отставила бокал и, развернув бумагу, принялась бегать глазами по написанному.

Дело такое-то, номер анализа, локусы какие-то, размеры аллелей, много цифр в двух столбцах... Я опустила взгляд в самый конец листка и прочитала, шевеля губами:

— Исходя из результатов исследования, полученных путем анализа перечисленных локусов ДНК, вероятность того, что он/они являются дедушкой/бабушкой составляет 99,98%...

Ну вот и все...

Я прикрыла глаза, мысленно считая до десяти. Надо успокоить сердце, а то его ритм заметно ускорился.

— Это копия, можешь оставить ее себе, — произнес уже точно дедушка Артема. Я подняла веки, медленно. Казалось,

тусклый свет слепил их, а затем потерла переносицу и тихо спросила:

— И что вы собираетесь дальше делать?

— Прекрати мне выкать, — гаркнул он так громко, что я чуть не подпрыгнула на месте.

— Не могу, меня воспитали так: обращаться к людям старше меня на вы, — не удержавшись, съязвила я в ответ.

— Ой, не намного я тебя старше. Года на четыре? — поинтересовался он с наглой улыбочкой. Пусть и на секунду, но сомнение закралось. Он считает что мне тридцать четыре? Неужели я выгляжу настолько? Неправда! Он просто издевается. Я метнула в Спасского взгляд, полный злости, и он не остался незамеченным. — Ух ты, какой взгляд... Ладно-ладно, пошутил я. Знаю, сколько тебе лет. Наводил справки: кто, где, когда и с кем. Надо же было знать, с кем я имею дело. У кого живёт и кем воспитывается мой потенциальный внук, — он кивнул на нетронутый мною бокал, который стоял рядом на краю стола, но я качнула головой. — Как хочешь, — недовольно хмыкнул Спасский, отпил из своего бокала и произнес: — А о том, что я собираюсь делать дальше, я тебе ещё при первой нашей встрече сказал — хочу забрать мальчика к себе.

Колючий, ледяной мороз пробежал по спине. И тому виной последняя фраза Спасского, которую он произнес так, словно не сомневался, что так оно и будет...

Черта с два! Не отдам, не позволю! Буду бороться.

А ещё я подметила кое-что — слово, цепляющее, Даниил ни разу не назвал своего внука по имени, ограничиваясь словом, определявшим половую принадлежность ребенка.

— Почему вы не называете Артема по имени? — поинтересовалась я. Спасский нахмурился, делая вид, что не понимает. Ничего, я уточнила: — Вашего внука. Вы все время говорите: мальчик.

— А он Артем, да? — фыркнул Даниил. — Дурацкое имя. Сейчас этих Артемов — каждый третий.

— А Луизе это имя нравилось. Она мне сказала однажды, что, если родится мальчик, она хотела бы назвать его Артемом, — пояснила я и зачем-то добавила: — А если девочка — Ангелина.

— Как? — Спасский даже чуть не поперхнулся, делая в этот момент глоток из своего бокала.

— Ангелина, — повторила я. Даниил задумчиво повертел стакан в руках, а мне захотелось спросить: — Что-то не так?

— Так звали мать Егора, — ответил он.

— Сочувствую, — произнесла, и тут же на меня посмотрела пара слегка удивлённых и настороженных глаз. — Я знаю, что ваша жена умерла...

— Ты, как я понимаю, тоже справки наводила? — усмехнулся Спасский, потянувшись за маленьким рулетиком из ветчины. Отправил закуску в рот и улыбнулся, интенсивно жуя.

– Ну, должна же я была знать, с кем имею дело, – кивнула я, стараясь передразнить интонацию собеседника, которой он произнес похожую фразу.

– Похвально. И как ты их наводила, через старые связи? – с усмешкой поинтересовался он, чем, признаться, меня немного обескуражил, но ответить или уточнить я не успела – у Спасского завопил телефон. Он быстро снял трубку и меньше чем минуту молча слушал то, что ему говорили. А когда закончил, Даниил встал со своего места и подошёл к витражному окну. Выглянув в него, он ехидно произнес:

– Как я сразу не догадался-то, – Спасский повернулся ко мне. – Тебе ментенок помог?

– Кто? – не поняла я.

– Ну, тот молоденький оперок из районного отдела... Как его там, Смирнов, кажется, а вот имя не запомнил...

Что ж, Спасский предупредил, что копался в моей жизни. Про настоящее он, видимо, знает много, про Сашку-то уж точно, а вот про прошлое, интересно, тоже? Что он там ещё смог нарыть?

– Как я вижу, у вас очень плохая память на имена, – качая головой, подметила я.

– Возможно, – не стал он спорить. – А вот я вижу, что ты, нехорошая девочка, проигнорировала мою просьбу.

– Какую это?

– Прийти одной.

Я хмыкнула, демонстративно повертела головой по сторо-

нам, будто бы кого-то ища:

– Так я пришла одна. Кроме нас, здесь никого нет.

Спасский покачал головой. Оперся на низкий подоконник, а затем поманил меня пальчиком, предлагая подойти. Я сдвинула брови. Ещё чего! Подходить после такого оскорбительного жеста.

– Подойди и посмотри, – произнес Даниил, кивая на окно. Хоть и нехотя, но я поднялась с дивана и подошла. – Вон, за стойкой, напротив бармена...

Немного прищурившись, я посмотрела, куда указал Спасский. На данном стуле лицом к бармену и, соответственно, спиной к нам сидел молодой человек в серой толстовке. В руке он держал полупустой стакан, из которого сделал глоток и начал поворачиваться на стуле... Да это же Сашка!

Ну вот зачем? Зачем он пришел?

– Я не просила его приходить, – произнесла я.

– То есть парень проявил инициативу? – фыркнул Даниил. – Волнуется за тебя, да? – он опять фыркнул, а потом громко хохотнул. – Бывает же такое, парня из крайности в крайность бросает, сначала с малолеткой встречается, а потом трахает ее старшую сестру. Или вы и раньше с ним? Что, изменяла мужу с молодым да ранним?

Щеки обдало жаром, руки само собой сжались в кулаки. Как он смеет? Кто он вообще такой?

– Да как вы... – рявкнула я, но договаривать не стала. Отошла от окна и вернулась к дивану. Находиться здесь, рядом с

этим хамлом, выше моих сил. Схватив свою куртку и сумку, я, решив не прощаться, направилась к выходу.

– Ищи адвоката, Вика. Хорошего, потому что лучший будет у меня, – крикнул мне вдогонку Спасский.

Я вышла и громко хлопнула дверью. Быстро спустилась с лестницы, внизу которой так и стоял один из амбалов-близнецов. Увидев меня, парень подмигнул с ехидной улыбочкой и отсалютовал ручкой. А я, постояв на месте какое-то время, начала протискиваться через толпу людей, в которой заметно прибавилось, к барной стойке. Сашка сидел на том же месте, попивая что-то из стакана. Заметив меня, он удивился и даже попытался повернуться спиной, но вовремя понял, что напрасно – я смотрела на него в упор.

– Пойдем, – крикнула я ему и, развернувшись, опять пошла сквозь толпу к дверям клуба. Подождала Сашу у выхода в компании секьюрити. Они перешептывались, странно на меня поглядывая. И мне это совсем не понравилось.

Наконец, Сашка вышел. Нескольких его неуверенных шагов было достаточно, чтобы понять – в баре он выпил прилично.

Разговаривать с Сашей не хотелось. Обида и злость кипели во мне. Ладно он пришел, понять смогла бы, но вот зачем было пить?

Саша молчал всю дорогу в такси, молчал, расплачиваясь с водителем, и лишь мы переступили порог квартиры, немного запинаясь, произнес:

– Я прямо чувствую, как ты злишься.

– Ещё бы мне не злиться!

Саша замер у двери, спросил, слегка повышая голос:

– Мне уйти домой или лечь в гостиной?

– Как хочешь, но точно не со мной, – бросила я и, разувшись, поспешила в детскую. Саша тоже разделся и направился на кухню.

Гуля копалась в телефоне, а Артёмка спал. Я подошла к кровати, заглянула. Мой мальчик сладко сопел, лёжа на спине... Не знаю почему, но, подъезжая к дому, я начала испытывать странное чувство, хотелось как можно скорее оказать здесь, в детской, посмотреть на Артема... Хотя нет, знаю почему – я испугалась, что Спасский может что-то предпринять за время моего отсутствия, а то, что он пригласил меня в клуб, могло быть отвлекающим маневром, пока Антон или какой-нибудь из амбалов секьюрити крадут моего мальчика.

Даниил теперь не потенциальный, а официальный родственник. И он четко сказал, что хочет забрать у меня ребенка! Ладно, если действовать дедушка будет через суд, не зря же он мне про адвоката сказал – тут можно подстраховаться и подготовиться, а если своими привычными методами? Черт знает, что у этого Спасского на уме.

Няню я отпустила, проводила до дверей и прошла на кухню. Саша сидел за столом, перед ним открытая банка пива. Со вчерашнего дня, что ли, осталась? Захотелось накричать, отругать, но сейчас это было бы бесполезно.

– Я пойду к себе, а ты, пожалуйста, не шуми, – произнесла я тихо и уже собралась закрыть дверь, как услышала вопрос:

– Ты разговаривала со Спасским?

– Разумеется.

– В клубе?

– Да.

Саша провел рукой по голове:

– Почему я вас не видел?

– Зато мы видели тебя, – фыркнула я. Саша поднял на меня мутные глаза:

– Вы на втором этаже были, да? – спросил он. – В приватной комнате... А знаешь, чем там обычно занимаются?

– Чем другие – не знаю. Мы разговаривали.

Он засмеялся, немного истерически.

– И я должен поверить, что вы на втором этаже, где он, по словам бармена, обычно трахает девок, разговаривали?

– Именно, – рывкнула я. – Ты кем меня считаешь, Саша? Такой девкой?

– Что ты, конечно, нет! Ты хорошая, добрая, честная... Только вот зачем так оделась, наштукатурилась и прическу сделала, а? – я растерялась после этих слов. Что это? Ревность? – Задом перед ним вильнуть хотела, надеялась, что, увидев такую неземную красоту, он поведется? Да нет, моя хорошая, знаю я таких, как этот Спасский. Им насрать на всех, кроме себя. И они всегда добиваются того, чего хотят. Но ту обратку, что ты ожидаешь, черта с два вернут.

– Не могу с тобой не согласиться, – кивнула я. – К сожалению, он дедушка Артема. И он хочет забрать у меня его. А оделась я так, потому что впервые за долгое время пошла в клуб.

Приврала, да, потому что после Сашиной тирады почувствовала себя немного виноватой. Задом, я, конечно, вилять не собиралась, но ведь действительно прихорошилась для Спасского.

Саша выдохнул, опять провел рукой по голове:

– Так он всё-таки дед?

– Дед, – призналась я, – он даже копию теста мне вручил. Девяносто девять процентов.

Саша уставился на меня, нахмутив брови. Я видела, что он уже пожалел обо всех своих предположениях, да, если бы не алкоголь, вечно подогревающий все самые низменные эмоции и желания, он вряд ли бы сказал мне все это. Он пе-

ревел взгляд с меня на банку пива, а потом вдруг резко вскочил с места, начал хлопать себя по карманам:

– Я позвоню адвокату, он нам поможет...

– Не сегодня, – я подошла к Саше, положила руку ему на грудь. – Позвонишь завтра, – я говорила ласково и спокойно. – А сейчас иди отдыхать.

Сашка хоть и с сомнением, но кивнул, слегка пошатываясь, пошел к двери. Я вышла следом, провожая его взглядом. Саша дошел до гостиной, свет включать не стал. Я подождала несколько минут, сидя на кухне, а затем вылила пиво из банки в раковину и пошла в душ. Очень хотелось смыть с себя этот день.

Утром меня разбудил поцелуй. Он был в щеку, но все равно приятным.

– Доброе утро, – прошептал Саша на ухо. Я открыла глаза и сладко потянулась со словами:

– Доброе.

Но тут же вспомнила его вчерашнее поведение. Резко отвернулась, решив продемонстрировать свое недовольство, но сразу почувствовала, что злости на Сашу уже нет. Я вообще не умела долго злиться на людей, тем более близких.

Так было с Луизой, с мамой и даже с папой, которого я ни разу не видела. Только на фотографиях, их мне показывала бабушка... Всех этих людей нет в моей жизни, а разбрасываться теми, что есть, я не собиралась.

Сашка стал таким близким. Единственным даже, пожа-

луй. Я не скажу, что я его люблю, нет, ещё не люблю. А я знаю, что такое любовь, я любила уже, своего мужа. И он тоже любил, как умел... С Сашей не так, не те чувства. Но зато есть другие, которые вполне могут перерасти во что-то большее...

Да и любовь, она же не может выражаться одинаково к разным людям? А может быть, я однолюб? И, любив уже однажды, второй раз так не полюблю?

Не по себе мне стало от этих мыслей. Я посмотрела на Сашу, на его пусть немного и помятое, но симпатичное лицо, в его красивые глаза, в которых появлялся особенный блеск, когда он на меня смотрел... Я подумала вдруг: а любит ли он меня? Вчера его поведение говорило о ревности. А это должно значить, что да, любит?

– Артем проснулся, я его переодел и посадил пока в прыгунки. Сейчас придет Гуля, я позвонил, попросил пораньше. А ты вставай, иди в душ, завтракай и собирайся, – отчеканил Саша.

– Куда? – нахмурилась я.

– Я позвонил адвокату, вкратце обрисовал ему ситуацию. Через час у нас с ним встреча.

– Правда? – обрадовалась я. Саша кивнул, а я вскочила с кровати и повисла у него на шее. Прижималась, целовала. С удовольствием, с благодарностью...

– Ух ты, сколько эмоций, – усмехнулся Саша, поглаживая мою спину, – у меня даже желание возникло присоединиться

к тебе в душе и потерять не только спинку...

Я улыбнулась, вновь потянулась с поцелуем, подумав, что была бы не против и общего душа, и потерять друг другу некоторые части тела... Но здесь Артем громко напомнил о себе. Надолго оставаться одие он не любил. Саша, разочарованно вздохнув, высвободился из моих объятий и пошел к двери.

– Твое кофе тебя уже ждёт, – крикнул он уже из прихожей.

– Твой, – поправила я тихо по привычке. Уже не в первый раз, а Саша все никак не запомнит. И злиться, когда я его поправляю. Бывший муж, кстати, тоже злился. Но я ничего не могу с собой поделать.

Стандартные утренние процедуры в ванной, прохладный душ – и вот я вышла на кухню. Кофе действительно стоял на столе. Это у нас уже стабильно, если Саша в чем-то хоть немного провинился – по утрам он готовил кофе. Если сильно – кофе и яичницу. Сейчас, помимо кофе, на столе были бутерброды, собранные Сашей из купленных нарезок сыра, колбасы и хлеба... Почти завтрак, все же. Значит, Саша чувствовал себя виноватым.

Гуля уже пришла, они с Артемом тоже были на кухне. Артёмка довольно уплетал любимую кашу, пачкая себя и няню. Даже нам с Сашкой немного прилетело.

Быстро поев, я пошла собираться. Сегодня я решила надеть костюм – синие брючки и пиджачок, под него белую рубашку. Волосы собрала в высокий пучок, подкрасила рес-

нички, немного тона на лицо и помады на губы.

Грациозно вышла в прихожую, где Сашка уже обувался. Выпрямившись, он окинул меня взглядом:

– Нельзя было вот так же одеться вчера? – прозвучал вопрос с ноткой упрёка.

– Вчера я оделась соответственно заведению, – заявила я, подошла к Саше и, погладив его по плечу, подметила: – Ты же никуда меня не приглашаешь, а у меня есть одежда на все случаи жизни: в клуб, в ресторан, даже в поход...

Сашка насупился, подал мне куртку.

– Ладно, – пробубнил он, – сходим куда-нибудь на днях.

На радостях я его поцеловала, Сашка помог надеть мне куртку, схватил с вешалки свою, и мы покинули квартиру.

Контора адвоката находилась в нашем районе. По пути Саша сказал, что Павел Вячеславович, так звали адвоката, частый гость в их отделе, там они в свое время и познакомились. Сначала Саше не понравился напыщенный и чванливый адвокатишка, но при более близком знакомстве он оказался и приятным собеседником, и профессионалом в своем деле. А ещё, по словам Саши, он был принципиальным, что в их профессии редкость – брался за "честные" дела, то есть за те, в которых, по его мнению, клиент был невиновен или прав.

Мы дошли пешком до довольно ветхого здания, на вывеске красовались названия фирм и магазинов, которые в нем находились. Свое место работы Павел Вячеславович обозначил просто и понятно: «Адвокат».

В тесной приемной никого, кроме секретаря, не было. Увидев нас, женщина лет сорока пяти тут же предложила пройти к адвокату в кабинет. Он тоже был небольшим, но вполне уютным: обои с геометрическим неброским рисунком, стеллаж во всю стену, на котором, помимо разноцветных папок, стояли ещё и горшки с цветами, в основном с кактусами. На окне открытые сейчас жалюзи, на большом сто-

ле, занимавшем почти половину помещения, тоже стоял как-тус, рядом новенький ноутбук, за ним, во главе стола, сидел мужчина лет сорока. Светлые волосы коротко пострижены, на носу очки в тонкой, едва заметной оправе. При нашем появлении мужчина поднялся, и я заметила, что он невысокого роста, но довольно подтянутый. Одет не в костюм, а просто в светлую рубашку, заправленную в классические джинсы.

– Добрый день, – поздоровался он, протягивая мне ладонь. – Виктория Владимировна, как я понимаю?

– Правильно понимаете, – ответила я с улыбкой, пожимая мужскую руку. Мы с Сашей устроились за столом рядом друг с другом.

– Давайте сразу к делу, – тут же произнес адвокат, – Александр рассказал мне о вашей проблеме, но я бы хотел услышать всю историю целиком.

– Конечно, – согласилась я и начала рассказывать. С момента рождения Артема и до вчерашнего вечера. Первую встречу со Спасским я описала во всех подробностях, а вот вчерашнюю уже не совсем – упустила тот момент, когда Спасский говорил мне про Сашу, при нем такое произносить не хотелось.

– Что ж, все понятно, – сказал Павел Вячеславович, оторвав взгляд от бумаги, в которой делал пометки во время моего монолога. – Виктория Владимировна, для начала хочу вас предупредить, что в подобных случаях суд чаще всего на стороне родственников того порядка, которым является

господин Спасский.

– Я понимаю, – кивнула я, – но все равно буду бороться. Я воспитывала мальчика полгода, он стал мне ближе, чем родной. Он мой. И отдавать его такому типу я не собираюсь.

– Я вас понял, – улыбнулся адвокат. – Шанс, безусловно, есть всегда. И я вам помогу.

– Спасибо, – с улыбкой ответила я.

– Так-с, тогда начнем, – Павел бросил взгляд на бумагу, лежавшую перед ним на столе. – Вас же наверняка проверяли, когда вы оформляли опекунство, но они обычно проверяют все, мягко говоря, поверхностно. Так что я должен задать вам несколько, скажем так, неприятных вопросов, дабы избежать неожиданных провокаций со стороны Спасского. Если уж он соизволил проверить ваше прошлое, как вы сказали, то вполне может воспользоваться тем, что узнал себе во благо.

Не согласиться с адвокатом я не могла и даже была уверена: если Спасский что-то обо мне узнал, то непременно воспользуется этим. Знать бы ещё чем... Знать бы ещё, что именно он нарыл. Не то чтобы в моей жизни были моменты порочащие меня, но... Думаю, каждому человеку есть что скрывать.

– Разумеется, все, что вы сейчас мне скажете, останется между нами, – Павел посмотрел на меня вопросительно, и я, не задумываясь, кивнула. – Вы были судимы?

– Нет.

– Страдали ли вы алкогольной или наркотической зависимостью?

– Нет.

– Есть ли среди вашего окружения или среди родственников подобные люди?

Вот тут я задумалась. Среди окружения нет точно, а вот среди родственников... Все же один человек им, как бы мне этого ни хотелось, является, раз в свое время он меня удочерил.

– Отчим был судим... – ответила я честно.

Сашина ладонь легла на мою руку.

– Его судимость была погашена, да и самого человека уже давно нет в живых, – подал он голос. – Паш, я вот сомневаюсь, что у самого Спасского моральный облик лучше. Судим, может, и не был, а вот его окружение сомнительное...

– Проверкой этого мы обязательно займёмся. Не только у Спасского есть возможность ковыряться в чужом прошлом и настоящем, – кивнул адвокат Саше и опять перевел взгляд на меня: – Судимость вашего отчима не так нам страшна сейчас, так что не переживайте, – Павел мне улыбнулся, а затем перевел дух и, теребя в руках шариковую ручку, заговорил: – В общем, я планирую следующее: уже сегодня я начну собирать необходимые документы, чтобы мы были подготовлены ко всем вариантам заранее. Нужна будет выписка с вашего лицевого счета, выписка с домовой книги, справка о состоянии вашего здоровья. Также надо поручиться, разумеется,

положительными характеристиками от социальной службы, ваших сотрудников, друзей, соседей, и хорошо бы от педиа-тра. Чтобы никто не сомневался – вы исполнительно выполняете обязанности опекуна. Будем делать ставку на ваши личные качества, а именно доброту, отзывчивость, справедливость. Забрать ребенка сестры, не дать ему попасть в детдом – это ли не доказательства того, что вы хороший человек? – я невольно кивнула. – На этом и сыграем. И, разумеется, как я сказал ранее, поищем темные стороны вашего оппонента...

– А вот то, что он добыл анализ у ребенка, скажем так, без моего согласия, как-то можно использовать? – вспомнилось мне вдруг.

– К сожалению, думаю, что нет, – покачал головой Павел, – по вашим же словам, дверь вы ему открыли добровольно, в квартиру пустили, и не одного. Так что у Спасского есть свидетель, который может подтвердить, что вы были не против забора биоматериала. Но вы можете потребовать провести повторный анализ...

– Я сомневаюсь, что его результаты будут другие. Вряд ли Спасский захотел бы забрать к себе чужого ребенка, – заметила я.

– Что ж, полагаю, вы правы, – Павел вновь посмотрел в свои записи, – знаете что, думаю, для начала попробовать договориться "на берегу". Как говорится, хороший адвокат не тот, кто выигрывает дело, а тот, который не доводит дело

до суда. Я соберу все документы и информацию на Спасского и устрою нам встречу с ним и его адвокатом.

Я нахмурилась, посмотрела на Сашу, тот в ответ кивнул.

– Как скажете, – не стала я спорить. Если удастся избежать суда – это хорошо. Меньше нервов, больше времени.

– Тогда договорились, пока наш план таков, – с улыбкой произнес Павел, – ваш телефон Александр мне дал, как только я все подготовлю – свяжусь с вами.

– Хорошо, – согласилась я, но, увидев рядом с ноутбуком стопку с визитками, вытянула одну. На всякий случай пусть лежит в кармане.

Мы уже начали подниматься с места, как Павел Вячеславович вдруг произнес:

– И еще, – я присела обратно, – если Спасский изъявит желание встретиться с внуком – не противьтесь. Это тоже может сыграть нам на руку, что вы якобы не против его участия в жизни ребенка.

– А если я против? – нахмурилась я опять.

– Старайтесь этого пока не показывать.

"Это будет трудно", – подумала я, но произносить вслух не стала.

Кабинет я покидала со смешанными чувствами. С одной стороны, встречей я осталась довольна, Павел Вячеславович произвел хорошее впечатление и его план мне вполне пришелся по душе. А с другой стороны, только сейчас я полностью осознала: начинается борьба. И не за что-то, а за моего

Артемку.

– Ну как ты? – спросил Саша, когда мы вышли на улицу.

– Не знаю, – пожала я плечами, – неприятно это все.

Саша взял меня за руку:

– Какие планы на сегодня?

– Работать. Для начала в новое помещение будущего салона надо заглянуть, проверить, как идёт ремонт. От этого и буду ориентироваться – когда заказывать мебель, инвентарь, нанять грузчиков для перевозки холодильников...

– Помощь нужна?

– Да нет, я справлюсь. Заодно отвлекусь, – попыталась я улыбнуться.

Рабочие укладывались в оговоренный график. Ремонт подходил к концу, ещё неделька – и помещение будет полностью готово. Я была всем довольна, отчего настроение немного улучшилось, и, пребывая в нем, отправилась в прежний салон.

Эльвира трудилась, собирая для ожидающего клиента б

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.